

ВЕТЕР МЕЧТЫ
MYSTIC & FICTION

СЕРГЕЙ КРИВОРОТОВ

ДОЧЬ
ЛЕСА

Mystic&Fiction. Ветер мечты

Сергей Криворотов

Дочь леса

ИД «Городец»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

Криворотов С.

Дочь леса / С. Криворотов — ИД «Городец»,
2020 — (Mystic&Fiction. Ветер мечты)

ISBN 978-5-907220-11-9

Столкновение с иной, почти не представимой людьми, формой разума едва не закончилось катастрофой. Люди не могли даже предположить, что инопланетный лес, который они начали безжалостно вырубать ради ценной древесины, разумен. А ведь Лес долго пытался найти взаимопонимание с незваными гостями. Он даже вырастил человеческую девочку, и ее удочерили местные колонисты, так и не поняв, что она часть Леса, а не человек. Поймут ли люди и Лес друга друга? Или начнется никому не нужная война?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-907220-11-9

© Криворотов С., 2020
© ИД «Городец», 2020

Содержание

Предыстория	6
Пришелец	8
Новое решение	10
Отзвуки	11
Из плена восставшие	12
Еще одна попытка	14
Найденыш	16
После учебы	19
Благие намерения	22
Предложение	24
Новое назначение	27
Влекомый лесом	32
Предсказание	35
Дочурка	39
Прибытие	43
Между домом и лесом	45
Новые коллеги	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Криворотов

Дочь леса

© Сергей Криворотов, 2020

© ИД «Городец-Флюид», 2020

* * *

Сергей Криворотов родился и проживает в г. Астрахань. Многие годы работал врачом – экстренным кардиологом. С 2011-го полностью перешел на литературную деятельность. Имеет около четырехсот литературных публикаций в России, а также в русскоязычных изданиях Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдовы, Германии, Чехии, Израиля, Австралии, Канады, США, Финляндии, Новой Зеландии.

Предыстория

Изо дня в день сплетали дети Леса склоненные над проворным ручьем ветви. Словно зелеными пальцами, касались листьями друг друга, неумоимо творя таинственные заклинания узоров, дополняя и совершенствуя ажурное кружево высокого шатра. Новые побеги тянулись вдогонку за поднявшимися прежде и торопились внести собственную неповторимость в начертание искусной вязи, в никем не читаемые изящные письма над неумолчной водой. Животворящие соки неумно бежали по гибким стеблям, наполняя их ощущением восторга и неизбывной силы. Издавна царившая здесь безмятежность казалась вечной и незыблемой. Действительно, что могло нарушить круговорот устоявшейся жизни?

Местные представители животного мира давно научились сосуществовать с Разумным Лесом, довольствуясь малым, но необходимым и повсеместно им даруемым: съедобными плодами, защитой от непогоды под сплетенными кронами, сухими сучьями для плотин на ручьях или укрепленных лежбищ и нор в сезон выведения потомства. Казалось, ничто не сможет изменить раз и навсегда заведенный порядок, и единый разум Леса не желал иного, пребывая в довольстве и благодушной дремоте.

Но однажды появились люди – никогда не виданные доселе странные двуногие существа. Они спустились с неба в больших блестящих кораблях из чужеродного металла. Срубили первые деревья, использовали их трупы для возведения нелепых громоздких конструкций, но не удовлетворялись этим, а продолжили безостановочный натиск на совершенно не опасный для них мир.

Их вторжение наконец-то пробудило Разум Леса от слишком затянувшейся спячки. С напряженным вниманием изучал он повадки чужаков, впитывал все доступные данные о жестоких и неразумно себя ведущих пришельцах со страшными смертоносными машинами. Впервые за всю сознательную жизнь Леса над его существованием нависла смертельная угроза, но он долго не мог осознать масштаб опасности.

Так сложилось, что развитие жизни на этой планете привело к полному господству объединившейся разумной флоры над безмозглой и разобщенной фауной, не породившей даже высших приматов. Здешняя эволюция пошла своеобразным причудливым путем. И теперь люди, обосновавшиеся после отлета кораблей в незатейливых грубо сколоченных жилищах, вынуждали некрупных местных животных бежать сломя голову от их огненных молний под защиту Леса.

Материалом для своих несуразных строений пришельцы обычно выбирали убитые ими деревья. Снова и снова неугомонные двуногие пытались поджечь окраины Леса, и его Разуму стоило немалых усилий не дать беспощадному неуправляемому огню перекинуться на чащобы. Пограничные полосы расчищались от мелкой поросли и засевались чужеродными злаками, споро пускавшими корни в местную почву Варварское подсечно-огневое земледелие, после многих веков забвения откопанное из опыта далеких пращуров, поначалу всю использовалось людьми. Они ни с чем не считались, освоение или завоевание планеты представлялось для них одним и тем же, а любые способы – допустимыми.

Разум Леса не находил тому ни малейшего разумного объяснения. В его памяти не содержалось совершенно ничего, что могло бы пролить свет на поведение людей. Непонятная, но несомненно враждебная деятельность чужаков выглядела дико и бессмысленно.

Лес вовсе не хотел начинать войну против бесцеремонных захватчиков. Но как дать им понять, нанося ущерб ему, они подрывают благополучие собственной жизни? Что без Леса они не выживут на этой планете? Он еще надеялся на диалог с этими частично разумными тварями, не замечавшими или не способными воспринять самые простые знаки с его стороны.

У поселенцев родились дети. Казалось, настала пора отказаться от агрессивности и приспособиться к местным условиям. Но чужаки вовсе не собирались успокаиваться и продолжали усиливать безудержный натиск на Лес. Машины со стальными или лазерными ножами срезали огромные стволы под корень в считанные мгновения. Другие с бешеным визгом крутящихся лезвий, холодный бритвенный блеск которых не сулил никакой пощады, крушили податливую плоть. Шедшие за ними прочие чудища выкорчевывали корни, разрывали, кромсали плодородный слой, истребляли мелкую поросль.

Умиряющие деревья вопили от дикой боли на слышимой лишь их собратьями волне и трепетали перерубленными корнями, передавая другим ужас своих предсмертных мук. Лес содрогался, он ни на минуту не переставал быть коллективным существом, наделенным сознанием и бесконечно сложной сетью тонких чувствительных окончаний. С не поддающейся объяснению настойчивостью двуногие стремились заполучить самые толстые стволы деревьев, будто задались целью разрушить саму основу жизни Леса.

Терпение хозяина планеты не могло быть беспредельным. Его Разум не хотел воевать с людьми, но не мог и понять их. Неведомые прежде сомнения обуревали его: может, причина непонимания крылась в его собственной обездвиженности? Осторожные ответные меры лишь ненадолго сдерживали безумный натиск пришельцев. Может, следовало задействовать всю свою мощь разом и навсегда избавиться от настырных козявок? Но что-то подсказывало ему, что на смену одним тут же явятся тысячи новых. Разум Леса еще не утратил надежды найти с ними общий язык. В этом его укрепило открытие, что далеко не все из людей одержимы враждебностью к нему. Требовалось всего-то преодолеть стену непонимания.

Но время шло, а количество двуногих увеличивалось, и прибывавшие нередко оказывались настырнее и агрессивнее прежних. Положение только ухудшалось, и однажды он пошел на небывалое: создал из своей плоти подвижное подобие фауны, взяв за образец форму захватчиков.

Пришелец

Зазвучавшая было шутка оборвалась на полуслове. Смех умер, не успев родиться. Головы завсегдатаев сельского бара дружно повернулись к распахнувшейся со стуком двери. Зак – хозяин и одновременно бармен – отодвинул только что вымытый стакан и встретил нового посетителя настороженным взглядом. На пороге возникло странное существо. Кряжистый мужчина в низко надвинутой широкополой шляпе из такого же странного материала, как и куртка, и джинсы на нем – сразу и не поймешь, то ли неведомая в здешних краях ткань, то ли просто сплетение пожухлых трав и листьев. Довольно-таки поразительный видок на любой взгляд. Из-под шляпы черными углями настороженно сверкали маленькие глазки, кожа лица – потрескавшаяся заскорузлая кора кыта, самого мощного дерева Леса, да и только. Растопыренные пальцы согнутых рук – просто обрубки не то сухих корешков, не то обломанных сучьев. Незнакомец крепко стоял на кривых культяпках, затянутых в чудные, того же лиственного покроя джинсы. Гротескная пародия на человека, тот еще типчик, как ни посмотри.

Такого экземпляра никто из присутствующих прежде не встречал.

– Откуда, дядя? – с насмешливым любопытством спросил один из молокососов, прервавших с его появлением игру в карты за столиком в углу Пивная кружка, только что захваченная его пятерней, замерла на полпути ко рту и медленно вернулась на стол. Бармен терпел ежедневное присутствие таких юнцов до тех пор, пока старшие не начинали возмущаться. Все какая-никакая дополнительная выручка. Но сейчас неодобрительно зыркнул на юнца, возмнившего себя невесть кем. В конце концов, хозяин здесь он, Зак, и никто не может задавать такие вопросы, кроме него самого. Давно пора поставить на место распоясавшийся молодняк...

Ответа не последовало, незнакомец и ухом не повел, впрочем, их у него и не было видно. Голова под низко нахлобученной шляпой повернулась туда-сюда на короткой шее – сторожевой сканер, да и только. Ничего не выражающие, непроницаемо антрацитовые глазки-пуговицы не задержались на напрягшемся бармене, скользнули по разнокалиберной стеклянной батарее с горьчительными напитками за его спиной и устали на пустой табурет.

Хрр, хррр, хррр – со странным звуком пришелец проковылял на своих рычагах-раскоряках и тяжело взгромоздился у стойки.

– Чего изволите? – осведомился Зак без особого радушия, выжидательно поглаживая ладонью черную с редкими просверками седины короткую шевелюру. Клиент есть клиент, даже и не таких приходится терпеть.

Сучья-пальцы заскребли по прилавку, словно огромный паук перебирал мохнатыми лапами, пытаясь зацепиться за полированную до блеска поверхность. Другой рукой незнакомец с видимым напряжением ухватил высокий пустой стакан и требовательно подвинул хозяину.

Того не удивило молчание посетителя. Опыт подсказал лучший выход из положения. Еще миг, и стакан на треть наполнился неразбавленной водкой местного производства.

Незнакомец молчал, тупо глядя перед собой, ничем не выказывая отношения к действиям человека за стойкой. Немая сцена затянулась. Наконец, находившийся ближе прочих обладатель неряшливой бороды Стер Баркум поднялся и нетвердой походкой приблизился к неподвижно застывшему пришельцу. Завсегдатай заведения находился уже изрядно навеселе, что являлось его обычным состоянием, и потому осторожно тронуть незнакомца за плечо, как он намеревался, не получилось. Никто так и не узнал, что именно хотел спросить у чужака пожелавший пообщаться бородач, потому что внезапно для всех странный посетитель от грубого толчка Баркума наклонился в противоположную сторону, помедлил и шумно обрушился на пол грудой неодушевленного хлама.

– Святые небеса! – только и вымолвил бармен, перегибаясь через стойку.

Посетители, тесня друг друга, торопливо обступили упавшего. Было чему изумиться – в куче увядших листьев с торчащими во все стороны сухими ветками и корягами не проглядывалось ничего человеческого, исчезло даже отдаленное напоминание одежды, в которой, как показалось вначале, шеголял вошедший. Просто ветки, опавшие листья и пучки пожухлой травы.

– Никак я его убил? – глупо спросил всех моментально отрезвевший Стер, тараша по сторонам выпученные в ужасе глаза.

– Не пори горячку, Барки! Это какая-то нежить! – Помрачневший Зак выдержал небольшую паузу, выругался в сердцах и пошел за веником и совком.

Новое решение

Первая попытка не удалась. Неуклюжее существо, созданное Лесом, недолго протянуло в подвижной, совершенно не связанной с родителем форме. Без подпитки энергией через обрубленные корни или привычным фотосинтезом посланец оказался мертворожденным. Запаса живых микроэлементов в искусственном существе оказалось недостаточно для долгой жизни. Он не мог накапливать энергию, не мог слаженно двигаться, автономно действовать и самообучаться подобно взятым за образец двуногим, не говоря уже о невозможности использовать их способ общения звуками. Его существование прервалось, как только он оказался отрезан от привычной среды в замкнутом пространстве человеческой постройки.

Требовалось иное решение. Разум Леса быстро учился в новом для себя деле. Он испытывал теперь незнакомую прежде заинтересованность, сродни человеческому азарту. Тем более, угроза его существованию никуда не исчезала. На небольшой глубине вблизи жилищ пришельцев тонкие сенсорные отростки его флоры наткнулись на останки двуногих, появившихся на свет далеко отсюда. Рожденных на планете удавалось отличать сразу по незначительной разнице в химическом составе и биоэлектрических полях. Непонятные сооружения в виде пирамидок и оград поверх небольших холмиков не интересовали Лес. Чувствительные нити непрерывно и тщательно обследовали гниющие под землей тела в разрушающихся деревянных оболочках.

Он собрал достаточно информации, чтобы воспроизвести очередной образец. Но в последний момент решил, что незачем тратить силы и материал, когда можно использовать готовые заготовки в земле. Надо лишь немного отреставрировать их, внести изменения в микроструктуру, вернуть к жизни, но так, чтобы они стали производными самого Леса. Этот путь показался более простым и заманчивым, и он незамедлительно приступил к действию.

Отзвуки

Случай в баре взбудоражил поселок. Очевидцы спешили красочно расписать каждую мелочь своим домочадцам, те соседям, знакомым и вовсе посторонним. Страшилка распространялась дальше, изменяясь с каждым повтором, обрастая далекими от действительных подробностями, да еще в самых забористых выражениях. Устный портрет пришельца выглядел все более фантастичным, имеющим мало общего с реальным. Словно в старинной детской игре в «испорченный телефон», слова и фразы искажались при передаче, теряя первичный смысл и принося неожиданные результаты.

Загадочная история быстро превратилась в миф, достояние всех и каждого. Зеленый человек занял прочное место в фольклоре колонистов. Таинственным визитером пугали непослушных детей, а существование неизвестного до того существа стало неоспоримым фактом для многих не видевших его лично.

Впрочем, находились и скептики, сожалевшие в глубине души о своем личном отсутствии в баре в тот знаменательный вечер. Такие в открытую посмеивались над массовым бредом свидетелей, несомненно, перебравших плохо очищенного от сивушных примесей пойла Зака. Но и самые далекие от истины откровения мнимых и действительных участников стали достоянием пользователей планетарной инфосети.

Зак Форат поторопился спалить дотла останки существа на следующее утро, о чем вскоре сильно пожалел. Потянувшимся издалека зевакам пришлось довольствоваться видом кучки золы на заднем дворе. Наиболее трезвые головы сокрушались, что образцы тканей неизвестного существа уже не отправить на экспертизу в центральный поселок или в лаборатории компании «Экофлор».

Бармена вовсе не радовало, пусть и прибыльное для него, всеобщее внимание. В ответ на расспросы Зак божился и клялся, что сожженные останки представляли собой охапку обычных листьев с прутьями, и ничего больше. Ему мало кто верил, но это уже не имело никакого значения. Как бы там ни было, а посещаемость бара возрастала с каждым днем, со всех сторон прибывали все новые любопытствующие, и доходы заведения продолжали расти.

Довольный хозяин быстро освоился с внезапной популярностью и поспешил закрепить свалившийся на него успех. Над унылым, никак не обозначенным до того входом появилась аляповатая вывеска: «У Пришельца». За стойку бара посадили чучело в шляпе, довольно натурально воспроизводившее, по утверждению очевидцев, недавно нагрянувшую таинственную фигуру. Ни на день не закрывая заведение, Зак с нанятыми рабочими из местных надстроил второй этаж и поделил его на отдельные комнатухи для ночлега, превратив уже далеко известное заведение то ли в гостиницу то ли в постоялый двор. И не прогадал.

Слухи о нем докатились до самых дальних селений. Заново отстроенные номера не пустовали, от желающих побывать на месте Пришествия отбоя не было. Невольно Форат оказался основателем местного туристического бизнеса. А в Астронете появлялись все новые сообщения мнимых очевидцев, которые на самом деле никогда не бывали в поселке. Сходные материалы не переставали мелькать и в передачах головидения.

Обозреватели из центрального поселка провозгласили случившееся «рождением местной мифомании», а Зеленого Человека – дальним потомком пресловутых «морских змеев» и «реликтовых гоминидов» из забытого фольклора прародины. Но некоторые заикнулись о наличии совершенно неизвестной формы жизни на планете. А тут уже сами собой напрашивались выводы о некомпетентности или недобросовестности первых исследователей, слишком поспешно давших отмашку на освоение нового мира. Тогда твердо обещанные переселенцам гарантии безопасности оказывались пустым звуком. Вразумительного объяснения не нашлось, и многие всерьез почувствовали тревогу за свое будущее.

Из тлена восставшие

Если бы не плодородный участок у порога дома, которому мог позавидовать любой колонист, Фил Крайнов давно поменял бы место для жилья. Дело в том, что, несмотря на его протесты, поселковый сход постановил разместить местное кладбище не далее двух сотен метров от крайновской изгороди. Теперь небольшой погост на холме уже насчитывал с полдюжины могил. Два несчастных случая на лесоповале, смерть при родах, не распознанная своевременно инфекция – вот причины, по которым тут соединили разобщенные при жизни тела. Все они принадлежали к первой волне переселенцев.

Маленькое кладбище и бар неподалеку оставались единственными достопримечательностями поселка. Серебристые и белые надгробия с антикоррозийным покрытием за низкими оградами сверкали в солнечных лучах. Дань традициям, сторонники кремации оказались в меньшинстве. Захоронение по образу и подобию земных придавало в глазах колонистов полноты и завершенности укладу здешней жизни, сулило иллюзию покоя после смерти.

Фил Крайнов оставался недоволен таким соседством и твердо вознамерился при первой же возможности перебраться куда подальше, а до тех пор строго-настроено запретил детям бегать на возвышенный участок с могилами.

Если дочь Фила, неторопливая белокурая Надя, боясь тяжелой отцовской руки, редко ослушивалась приказа, то озорник Фил-младший при каждом удобном случае тайком пробирался туда, до сих пор счастливо избегая обещанной кары. Особенно ему нравилось прятаться в маленькой каменной часовне, в которой, по древнему обычаю Земли, отпевали усопших. Старые религии Земли не пустили корней на этой планете, и заимствованный ритуал носил чисто формальный характер. Однако в этот раз нарушительницей табу явилась именно двенадцатилетняя Надя.

Вид красивых цветов на любовно ухоженных могилах, манивших тишиной и покоем, недостижимым в суматохе поселка внизу, победили ее страх перед возможным наказанием.

Но, попав сегодня на запретный холм, она не нашла ожидаемого спокойствия. Необъяснимая тревога заставила девочку поминутно озираться по сторонам в поисках незримой опасности. Но нет, напрасно – никто и ничто, кроме нее самой, не нарушало тишины и безлюдья погоста.

Она уже подходила к башенке часовни, когда впереди, прямо на ее глазах, бугорок земли над захоронением беззвучно развалился на две стороны.

В открывшейся пустоте черной воронки ворочалось нечто мохнатое и мерзкое, упорно пытавшееся выбраться наверх. Девочка так испугалась, что не смогла даже закричать, и только смотрела широко раскрытыми глазами, не в силах ни убежать прочь, ни отвести взгляд в сторону.

Запах тления из разверстой могилы обдал ее удушливой волной, и на свет из подземного мира выбралось корявое человекоподобное. Покрытое сплошной порослью извивавшихся тонких бледных корешков существо выползло на четвереньках наружу и выпрямилось, поворачивая к девочке пустые глазницы в гуще шевелящихся отростков. Одновременно краем глаза Надя заметила подозрительное копошение на соседней могиле и, коротко взвизгнув, потеряла сознание.

Стоит ли удивляться реакции Фила Крайнова, заглянувшего домой вместе со старшим сыном Романом, чтобы перекусить. Тревогу поднял Фил-младший, следивший исподтишка за нарушительницей запрета в надежде использовать такой факт с выгодой для себя. Он стремглав прибежал к отцу, но только показывал в сторону погоста и не мог ничего внятно объяснить.

Увидев жуткие существа, вылезавшие из вскрытых могил среди бела дня, и недвижно распростертое тело дочери, Крайнов без раздумий пустил в ход старенький лучемер. Грозное

оружие покоилось без применения в кладовке, и теперь владелец с удовлетворением отметил, что верно поступил, не сдав его, как требовал местный закон. Давно не восполняемого заряда батареи хватило, чтобы испепелить непрошенных гостей, угрожавших, на взгляд отца, жизни его любимой девочки. При этом он нечаянно задел лучом и пару ближайших надгробий, расплавив аккуратные оградки.

Возмущенные соседи не сразу разобрались в причине вандализма Крайнова, и только после его терпеливых объяснений, дополненных сбивчивыми рассказами Нади и Фила-младшего, их понятный гнев сменился тревогой и вопросами к недавно избранной местной власти. Не связано ли случившееся с появлением зеленого существа в баре? А не пора ли что-то предпринять для защиты от подобного, наконец? После этого случая прибыли сотрудники Ксенослужбы, но ни образцы почвы с места происшествия, ни подробные расспросы очевидцев так ничего и не прояснили.

Еще одна попытка

Терпения у Леса оказалось предостаточно. Первые неудачи не обескуражили, напротив, каждая осечка добавляла опыта. Тем более, он никогда не повторялся в своих действиях. Последняя попытка подсказала наиболее правильный путь, данных для того набралось с избытком.

Разум Леса перестал подражать радиосигналам в используемых чужаками диапазонах, убедившись в тщетности подобной траты энергии и времени. Люди не то что не желали диалога, они просто не замечали недвусмысленных предложений хозяина планеты начать его. Лес не отказался от плана внедрить свое детище в их малопонятное сообщество, только решил сделать это таким образом, чтобы они без сомнений приняли его и сами научили общению с себе подобными.

Разум Леса задумал сотворить точную копию детеныша пришельцев. Как образец он использовал дочь фермера, встреченную последними неудачными порождениями на человеческом кладбище. До того, как их уничтожили, существа успели отсканировать упавшую в обморок девочку и передать данные своему создателю. Резкая реакция человека на появление ему же подобных не поддавалась разумному объяснению. Позднее Лес решил, что недооценил ритуальную значимость для людей зарытых останков, что и привело к последней неудаче.

Его приспособленные к такой работе отростки смогли воспроизвести на этот раз жизнеспособное существо. Но в самый последний момент что-то нарушилось в слаженной работе мельчайших исполнителей – нанофлюботов, как могли бы назвать их ученые-пришельцы, и копия оказалась вовсе не точным повторением оригинала.

Решение столь сложной задачи требовало времени, но Лес предпочел на этот раз не торопиться и действовать наверняка, хотя почти ежедневно содрогался под ударами управляемых колонистами бездушных механизмов. Для восполнения урона приходилось тратить все больше сил. Назрела пора показать безмозглым козявкам, кто подлинный хозяин планеты.

Он отвечал пока только там, где жадные людишки пытались отхватить большие куски окраин Леса. Посланные им на поля колонистов молодые побеги душили посевы завезенных культур, неодолимыми зелеными волнами накатывались на захваченные пришельцами пространства. Рыжие лесные муравьи по воле хозяина довершали разгром и возвращались затем на места постоянного обитания.

Человеческие машины не справлялись с внезапным натиском буйной растительности. Техника отступала, захлебывалась, надолго выходила из строя. К тому же Разум Леса научился поглощать питающую машины энергию. То тут, то там ему доставались останки умерших устройств, пластик и металлы которых пришлись ему по вкусу даже больше, чем содержимое аккумуляторов. Он усваивал трофеи с незнакомым для себя удовольствием, расщеплял молекулы и распределял добычу по всем своим составляющим, перемещал излишки в создаваемые под землей хранилища. Эти новые вещества и жизненная сила могли пригодиться в будущем, хотя он пока не знал, каким именно образом.

Колонисты забили тревогу – стремительно прораставшие корни местных растений нередко обнаруживались уже под жилыми домами. Сомнений не оставалось: в ответ на продолжавшееся вторжение Лес двинулся навстречу людям. Противодействие флоры походило на войну за выживание, чем, в сущности, и являлось. Чтобы не потерять уже достигнутое, людям нужно было приспособливаться. Однако они по-прежнему не понимали, что столкнулись с разумным отпором.

Тем временем о странном зеленом существе, о жутком воскрешении покойников и прочих необъяснимых фактах узнали в соответствующих инстанциях, а именно в Департаменте Сектора, за сотни световых лет от планеты. На этот раз обошлось без провололок. Сама воз-

возможность обнаружения разумной или почти разумной, да еще и враждебной к колонистам жизни на давно разведанной и заселенной территории выглядела вопиюще. Реакция последовала незамедлительно. Рейсовый корабль доставил новых исследователей вдобавок к уже имевшимся на планете.

Найденыш

Старики Гарнисы не могли нарадоваться на свою маленькую дочурку. Столько лет не удавалось зачать ребенка, редкое генетическое заболевание жены, не поддающееся современным методам лечения, служило тому причиной. Вероятно, в метрополии смогли бы помочь, но у них не доставало ни средств, ни сил на дальнюю дорогу. Тави Гарнис из-за этого дефекта не могла стать даже суррогатной матерью, но ей так всегда хотелось иметь собственных детей! Закоренелая фаталистка, она и сама считала, что слишком поздно в ее возрасте оспаривать предначертания судьбы. И вот в их-то годы высшие силы, как хотелось бы верить обоим, сжалились, и у пожилой четы внезапно появилась столь желанная дочка.

Впрочем, внешне их вряд ли можно было посчитать стариками. Йон и Тавия прекрасно помнили, что представляли собой их бабки и деды в таком возрасте на планете, с которой они сами прибыли на Форестану, даже с учетом достижений тамошней медицины. Но вот незадача – хотя им на двоих приходилось уже за тринадцать десятков стандартных земных лет, или за полтора года по здешнему, они не выглядели соответственно. На вид им можно было дать намного меньше, морщины едва коснулись их лиц, мышцы оставались упругими и сильными, тела только начинали утрачивать прежнюю бодрость и ловкость. Они нередко обсуждали подобную странность между собой, пока не решили, что причина в здешних природных условиях и здоровом образе жизни.

С появлением ненаглядного чада Гарнисы и вовсе прекратили считать количество прожитых лет. Они никому не рассказывали, при каких обстоятельствах заплучили свою кроху, да и не находилось пока охотников докапываться до ее происхождения. Люди в здешних краях селились большей частью обособленно и не имели привычки совать нос в дела соседей. Одно не могло не тревожить самих Гарнисов – девочка росла без преувеличения не по дням, а по часам.

Всего несколько месяцев прошло с тех пор, как совершенно неожиданно Гарнис наткнулся на малютку в кустах на опушке, а теперь она уже выглядела как четырехгодовалый ребенок. Тогда после короткого раздумья Йон решил – дитя брошено явно не здешними, ни у кого из местных не хватило бы жестокости бросить в лесу совершенно голую кроху без присмотра. И если они оставят найденыша у себя, скорее всего, никто ее не хватится. Жена с радостью приняла посланную свыше, как им казалось, дочь. Ничего в ней не обнаружилось необычного, пока она не начала расти как на дрожжах.

Маленькая Леся – так они ее называли после недолгих препирательств – оказалась на редкость смышленным, послушным, ласковым ребенком, быстро всему училась, схватывала на лету и уже пыталась помогать по хозяйству. Только Гарнисы боялись, что однажды их внезапному счастью придет конец. Либо объявится настоящая мать, либо внезапная болезнь, либо еще какая напасть нагрянет и отберет у них ненаглядную малышку, да и неизвестно, сколько еще самим осталось пожить здешней суровой и до сих пор неласковой к ним жизнью.

Из окон дома виднелось предлесье, только одно поле отделяло от него. Леся могла часами смотреть в ту сторону и несколько раз убегала туда. Гарнисы пытались наказывать ее за это, Впрочем, не слишком строго, пряча от нее на время сладости, запирали на несколько часов в детской комнате. Как они боялись навсегда потерять ее при таких исчезновениях! Вдруг заблудится и пропадет без пищи и воды или наткнется на ядовитое растение? Но она безошибочно находила дорогу назад, словно обладала внутренним компасом или чутьем. И они смирились с ее редкими отлучками, перестали беспокоиться по этому поводу, хотя и не могли не испытывать тревоги: а не уйдет ли она однажды навсегда?

Внешне ничем дочка Гарнисов не отличалась от прочих детей, вот только слишком быстро взросла на глазах... Не думать об этом у Йона и Тавии не получалось. И еще одно

беспокоило стариков: очень долго Леся не могла говорить, хотя с самого начала они прекрасно общались с нею без слов. С одной стороны, их это даже устраивало – не придется отправлять ребенка в далекую поселковую школу. Как сможет учиться с другими детьми немая девочка? Да и обижать ее там наверняка станут все кому не лень.

Впрочем, многие колонисты предпочитали для своих детей дистанционное обучение – исчезали неудобства, трата времени на доставку к месту учебы и обратно, лишние волнения и прочее, не говоря о плате. Поэтому из отложенных на черный день сбережений Йон с согласия жены купил в центральном поселке наладонный биокомп с голографической разверткой, заменивший для их ненаглядной доченьки всех школьных учителей разом. Любой колонист имел возможность выхода в планетарную сеть через систему стационарных спутников связи. Полностью автономный биологический компьютер не требовал никакого постороннего питания, кроме солнечной энергии.

Они старались почаще разговаривать с ней. Никогда прежде за долгую совместную жизнь Гарнисы не произносили столько слов. Рассказывали сказки, обсуждали при ней хозяйственные дела, объясняли и показывали, как делать то или это. И хотя Леся ничего не произносила в ответ, но всегда внимательно слушала, будто все понимала, смотрела на губы, рождавшие слова, не по-детски внимательными, все подмечающими глазами.

– Йоне, придется все-таки показать нашу девочку чужакам, они опять настаивают на осмотре. Говорят, всех в округе давно пересмотрели, только наша Леся не на учете, – сообщила с порога Тави, вернувшись как-то из поселка, куда отправлялась за припасами раз в месяц.

– И слышать о том не хочу! – Гарнис крепко сжимал в руках части разобранной для чистки двустволки.

Хотя закон официально не разрешал, ружья и лучеметы имелись почти в каждом доме. Оружие придавало поселенцам чувство собственной безопасности – мало ли какие сюрпризы могли поджидать на новой планете, как бы там ни уверяли первые разведчики. Лес – вот он, совсем рядом, мало ли что могло скрываться в его непролазных чащобах, в которые никто не совался! Только не доставало Йону уверенности – случись что, сможет ли он использовать оружие против себе подобных, даже если придется защищать жену и любимую дочь? Впрочем, он очень надеялся, что до подобной крайности не дойдет и выяснять такое никогда не придется. Пока же все обходилось.

Тавия горестно замолчала. Сегодня истекал срок, назначенный для медицинского обследования Леси. Не иначе, кто-то из соседей-доброхотов позавидовал позднему счастью Гарнисов и настучал, куда не следовало, про невесть откуда взявшуюся и подозрительно быстро растущую девчушку.

– Может, лучше пока тебе пожить с ней в нашей лесной сторожке, авось со временем отстанут? – предложила она с надеждой, и муж поспешно ухватился за эту мысль, увидев в ней спасительное решение.

Рисковать они не могли, мало ли что взбредет в головы настырных ученых: а ну как они надумают навсегда отобрать их ненаглядную девочку для своих живодерских опытов? А то и отыщут настоящих родителей? Тави быстро собрала самое необходимое ребенку – на все про все хватило одного рюкзака, – и когда проводила за порог, долго смотрела вслед, пока муж и повзрослевшая за последнее время девочка пересекали поле.

Когда нагрянули чужаки, она оказалась готова, спокойна и собрана. Нельзя сказать, чтобы пришедшие вели себя невежливо или слишком настырно, но как ни просили разрешить взять анализы и просканировать девочку, хотя бы просто ее осмотреть, Тавия делала вид, что не понимает, о чем речь. Они так ничего и не добились и ушли не солоно хлебавши в больших сомнениях насчет умственных способностей хозяйки.

Тавия же осталась довольна и успокоилась на время, только постоянно скучала без двух самых близких на свете людей, особенно без ставшей родной крошки, но другого выхода не

видела. Ясно было, любопытные просто так от них не отстанут. Ради единственной ненаглядной доченьки, придавшей смысл жизни на склоне лет, Гарнисы могли вынести теперь любые лишения. Они даже не предполагали, что это только начало связанных с нею мытарств. Впрочем, если бы даже могли заглянуть в будущее, ни за что не отказались бы от сделанного выбора.

После учебы

Проблема преобладания мужского населения остро стояла перед местными колонистами. Этим планета не выделялась среди прочих форпостов звездного человечества. Издревле природа предопределила большее количество мальчиков на каждую сотню новорожденных, и выход человечества за пределы Солнечной системы не поколебал такую генетическую закономерность. Хотя развитие науки и позволяло с большой вероятностью выбирать пол будущему ребенку люди нередко руководствовались практическими соображениями. Многие поселенцы хотели иметь первенцем наследника, которому можно доверить хозяйство, а уже во вторую и даже в третью очередь – помощницу и будущую хозяйку. К тому же приток новых колонистов шел за счет тех же молодых мужчин. Так что, за редкими исключениями, когда родители сговаривались и обручали детей едва ли не с пеленок, проблема женитьбы стояла очень серьезно для подрастающего поколения.

Вероятно, это лишний раз доказывало инерцию и косность человеческих понятий. С исчезновением экономической кабалы от мужчин в древних обществах Земли женщины давно доказали равенство полов, а зачастую и свое полное превосходство. Если на некоторых окраинных планетах при необходимости смогли легко перейти к многомужеству с элементами матриархата, то на Форестане подобный уклад поначалу наталкивался на трудности из-за традиций и предубеждения переселенцев.

И все же именно первые немногочисленные женщины стали цементирующей силой нового общества. Мужчины смирились с предоставлением больших прав «слабому» полу, считавшемуся таковым лишь в силу отдельных физических данных. Юридически форестанки имели более высокий статус в бытовых вопросах и при наследовании имущества. Здешние женщины могли решать сами за себя, и уже нередко на плечи одной хозяйки ложились заботы о двух-трех семьях. И хотя многомужество достаточно широко распространилось, встречались и моногамные браки. Демографический перевес мужчин начал уменьшаться с появлением у переселенцев детей, но для полного выправления ситуации могло потребоваться много десятилетий.

Не сумевшие подобрать себе вторую половину среди немногочисленных местных невест отправлялись с этой целью в метрополию, но далеко не всегда их вояжи заканчивались желанным исходом. Во-первых, для такого путешествия требовались немалые средства, во-вторых, не каждая красавица горела желанием следовать за тридевять земель на окраинные миры и обзаводиться детьми вдали от благ цивилизации. Всезвездная информационная сеть лишь частично помогала решить эти вопросы на расстоянии, но подавляющее большинство потенциальных женихов оказывалось настроено консервативно. Молодые и не очень соискатели семейных уз хотели выбирать спутниц жизни сами, без посредников и только при очном знакомстве. Да и долгосрочные результаты наблюдений браков, заключенных посредством Сети, выглядели противоречиво.

Подшло время задуматься и старшему сыну Фила Крайнова – Роману. Не нашлось подходящей по его меркам невесты, хотя не был он ни уродливым, ни глупым, не имел ни явных, ни скрытых физических изъянов, вполне здоровый нормальный парень, и умом даже выше среднего уровня. Соседские девчонки оказались просватаны с малолетства. Согласно местным порядкам, его младшая сестра Надя могла уже не беспокоиться о своей судьбе. Та же, которую предопределили ему еще до рождения по обоюдному согласию родителей, не вызывала у самого Ромки ни капли энтузиазма.

Это послужило одной из причин уехать на учебу в административный центр Форестаны. Но и там, встречаясь с несколькими подружками по учебным занятиям и молодежным клубам, он не мог положить руку на сердце признаться, что видел хоть в одной свою суженую и будущую

хозяйку его дома. Да ему самому казалось, что еще рано строить столь далеко идущие планы, он не чувствовал себя готовым к серьезным обязательствам. За три года приобщения к профессии инженера-технолога деревообработки в его настрое ничего не изменилось.

Когда Роман впервые в детстве увидел центральный поселок, его поразила скученность застройки. После привычной широты предлесья и удаленных друг от друга домов колонистов теснота центра напомнила ему лесной муравейник. Разумеется, он имел представление из Астронета о городах на других планетах, но они казались далекими и совершенно нереальными. Теперь же мальчик воочию смог увидеть такое совсем рядом, и оно принадлежит его миру.

Конечно, поселок никак не тянул даже на звание маленького городка, но в глазах выросшего среди просторов фермерских угодий и почти полного безлюдья мальчишки несколько десятков прохожих, встреченные на улицах за короткое время, выглядели столпотворением. К радости юного провинциала, здесь имелась зона отдыха, манившая видным издалика чертовым колесом. Все это ему еще предстояло открыть для себя.

Много позже отец привез его сюда на учебу. Старший Крайнов рассудил, что основная разработка Леса еще впереди, и хотел, чтобы хоть один из сыновей получил специальные знания, которыми сам он не владел, и отсутствие которых, как он полагал, не давало достичь желаемых результатов труда.

– Я хочу, чтобы ты пошел дальше меня, – не уставал повторять он снова и снова сыну. – Выучись на технолога, стань управленцем. Будешь тогда отдавать распоряжения таким неучам-одиночкам, как я, что и как делать, как получать наибольшую выгоду. Я хочу, чтобы у тебя было лучшее обеспеченное будущее, чтоб тебе не пришлось считать каждую копейку, как мне.

Решающим доводом послужило то, что компания «Экофлор» полностью оплачивала обучение с последующим трудоустройством на одном из своих предприятий. Кроме нее никто никаких гарантий дать не мог.

Административный центр производил неоднозначное впечатление. Аккуратные ряды сборных домишек, похожих один на другой, словно клоны единого образца, ровно подстриженные газоны, низкорослые деревья и кустарники, огороженные коротким штакетником, – завезенные людьми растения с трудом обживали свободные от Леса пространства. Казалось, на всем здесь виден налет привнесенной искусственности. И деловой центр выглядел макетом, музейной выставкой незатейливой функциональной архитектуры на потребу будущим инопланетным туристам, которых пока никто не видел.

Для Романа не чувствовалось во всем этом знакомой с детства теплоты фермерских построек, в которые хозяева вкладывали не только труд, но и душу. Ведь они строили надолго и на совесть, для себя и своих семей. В поселке же все выглядело неестественно и чуждо, но такое впечатление не мешало юному провинциалу взирая на окружающее с радостью и благоговением. Еще бы! Здесь ему предстояло жить и учиться в скором времени.

Только первые восторги от знакомства с новым быстро поутихли. Чем дольше он находился среди противоестественной для Форестаны скученности людей и строений, тем отчетливее ощущал желание поскорее вернуться к привычному Лесу. Где-то тут в поселке проживали дальние родственники Крайновых, которых не составило бы труда разыскать, но родители не захотели одалживаться, поэтому ему, как и большинству сокурсников, осталось довольствоваться студенческим общежитием.

Впрочем, об этом жалеть не пришлось. Жить среди ровесников оказалось весело, но еще задолго до окончания учебы Роман утратил интерес к будущей профессии. Масштабная механическая вырубка и поточная обработка древесины воспринимались им ничем не оправданным уничтожением живой сущности Форестаны, с которой, по его убеждению, колонисты могли жить мирно и взаимовыгодно.

На его счастье, из-за новых запретов и ограничений ксенологов практические занятия сокращались по мере приближения к выпуску, хотя по программе обучения планировалось как раз обратное. Один за другим новые приятели покидали их группу.

К последнему экзамену подошли всего два десятка выпускников, и причиной тому послужили вовсе не трудности учебы. Хотя его не раз посещало такое желание, Роман не присоединился к оставившим курс, главным образом, из опасения отцовского гнева. Ясно было одно – возможностей работать по избранной профессии оставалось все меньше.

Благие намерения

Если тебе предстоит вот-вот разменять четвертый десяток земных лет, это, естественно, не вызывает особой радости или прилива энтузиазма. Невольно начинаешь оглядываться назад, пытаешься подвести какие-то итоги, сделать выводы на завтра. Черок Квикфут, вплотную приблизившийся к такому знаменательному рубежу, находил для себя в минувших годах мало утешительного: несбывшиеся надежды юности, нереализованные планы, да и вероятное будущее не сулило больше ничего непредвиденного, обещая стать лишь продолжением малоинтересного прошлого и настоящего.

Не без содействия дяди – важной шишки в администрации Совета внеземных территорий – преодолел он жесткий отбор в академию ксенологии. Зато к концу учебы уже абсолютно своим трудом получил на курсе четвертый результат по среднему баллу, несмотря на то, что дважды счастливо избежал отчисления за серьезные провинности. Впрочем, причинами этих неприятных моментов послужили вполне морально оправданная драка за честь оскорбленной сокурсницы и дерзкое отношение к препода, не считавшемуся с чувством собственного достоинства курсантов.

С отличием закончившему академию Чероку виделись увлекательные перспективы и гарантия быстрого продвижения по служебной лестнице. Но реальная жизнь расставила все по своим местам, хотя справедливость такого результата он так и не принял.

Повседневная рутина предстала, как говорится, плоско двухмерной и вполне черно-белой с вкраплениями серого цвета. Получив распределение в Департамент Сектора, юный выпускник тщетно ждал заманчивых командировок на только что открытые, неисследованные планеты. Но все сколь-нибудь перспективные разработки обходились без его участия. На долю же молодого специалиста доставалась масса неинтересной бюрократической текучки, обработка потоков информации, отчеты, участие в симпозиумах, конференциях и прочих ксенологических междусобойчиках. И так продолжалось изо дня в день почти десять лет.

Он зарекомендовал себя исполнительным администратором, вдумчивым аналитиком, даже выступил с несколькими благосклонно принятыми инициативами, но ни в его воображении, ни в прочих талантах, неуместных при строго регламентированной работе, никто не нуждался. С годами энтузиазм угас, обращать на себя внимание руководства хотелось все меньше. Какой смысл стараться, если результат неизменно нулевой? Выходило, чтобы не навлечь на себя неприятности, лучше не высовываться и не попадаться на глаза начальству. Трое-четверо сослуживцев, пришедших на службу одновременно с ним или даже позднее, давно его обошли. Ему приходилось бессильно наблюдать, как один за другим они оказывались на более значимых должностях.

Безусловно, его ожидало запланированное повышение, лет эдак через пять-семь впереди маячила должность заведующего отделом, но разве об этом он когда-то мечтал? Время проносилось незаметно, а Квикфут не чувствовал ни личного удовлетворения, ни того, что его виртуальный муравьиный труд приносит кому-то ощутимую пользу. Конечно, можно было бы снова обратиться к отцовскому брату, сохранившему связи с руководством Ксенологической службы, но пока Черок решался на эту крайнюю меру, дядю отстранили от должности за служебные злоупотребления и выслали в отдаленную звездную систему.

Стоит ли говорить, что срочный вызов в управление Департамента – небывалое событие для рядового труженика – обрушился на него громом среди ясного неба. Годами приученный к дисциплине добросовестный исполнитель пришел в смятение: не допущена ли им не замеченная вовремя оплошность, за которую теперь последует неминуемое наказание? Чем же он мог проштрафиться? В его тренированной профессиональной памяти не всплывало ничего существенного, поэтому оставалось теряться в догадках.

К счастью, терзаться неизвестностью пришлось недолго – в канцелярии сообщили о новом назначении. Квикфут испытал облегчение и вполне понятную радость. В один миг будущее приняло в его глазах забытый радужный оттенок, разом воскресли угасшие тени мечтаний и амбиции юности. Тем более, его сразу перенаправили в святая святых, к самому главе Департамента Сектора.

Ксенологическая служба вобрала в себя все пороки административной системы звездной Федерации. Строгая вертикальная иерархия, подавление инициативы подчиненных, стремление на всех этапах организации избежать ответственности за принимаемые решения, желание заручиться одобрением свыше, даже при самых незначительных действиях.

Неудивительно, что не снисходивший до общения с низовыми сотрудниками руководитель за годы своей вездесущей невидимости начал восприниматься чем-то вроде небожителя с Олимпа древних греков Земли. И это при том, что ксенологов в процессе учебы наставляли никогда ни перед кем не склонять голову, оспаривать заключения любых авторитетов, широко и оригинально мыслить, избегать шаблонов и готовых схем.

Единственное сомнение омрачало бодрый настрой Черока: а что, если причиной перемен послужило не запоздалое признание его личных достоинств, а прощальное благодеяние дядюшки, вспомнившего перед убытием в ссылку о родном племяннике? Но как бы там ни было, независимо от неизвестных пока причин, его жизнь оказалась необратимо вырвана из круговерти опостылевшей повседневности.

Черок выбрал ксенологию вовсе не под нажимом влиятельного дяди. Ксенолог в его представлении, сложившемся не без настойчивой рекламы профессии на каждом шагу, всегда находился на переднем крае исследований внеземной жизни, а его работа постоянно интересна и наполнена яркими событиями. По мере того, как обыденность избавляла его от давних иллюзий, он начал всерьез подумывать о смене занятий. И вот на тебе, когда ничего интересного впереди уже не светило, случилось такое внезапное везение.

Впрочем, Квикфута беспокоила собственная неосведомленность о внезапном назначении. Да, прозябание в Департаменте Сектора достаточно опротивело, но не окажется ли новая работа гораздо хуже прежней рутины? Ему всегда хотелось перемен, но не в такой же степени. Он опасался рассчитывать на лучшее, пока не узнал всей информации о своем переводе. Чем больше надежд и обещаний, тем сильнее и болезненнее последующее разочарование – это он успел хорошо усвоить. Лучше рассчитывать на небольшое, чтобы полученное потом смогло превзойти скромные ожидания и тем самым подарить нечаянную радость. Маленькие надежды – всегда надежнее.

Предложение

После выдачи дипломов представители «Экофлора» провели традиционное собеседование со всеми прошедшими полный курс. Некоторые сразу получили работу на опытных предприятиях компании. Но никто потом не распространялся о содержании разговоров, даже наиболее сблизившиеся с Романом Ярбор из центрального поселка и Савва из южного поселения словно набрали в рот воды и только махнули рукой на расспросы. Когда подошла его очередь, обидная скрытность приятелей стала понятна.

В помещении, где только что сдавали экзамены, кроме старшего преподавателя, за столом по-хозяйски разместились два незнакомца со значками «Экофлора» на форменных куртках. На их неподвижных, неуловимо схожих лицах только глаза перебежали с вошедшего на объемный дисплей со всеми данными о нем.

– Роман Крайнов, – отрекомендовал учитель. – Средний балл за все курсы – четыре и три десятых.

– Что ж, Рома, обучение было организовано именно нашей компанией. Но за это время кое-что изменилось. Ты, наверное, в курсе: с работой по твоей специальности теперь напряженка.

Роман молча кивнул, ему не предложили сесть на свободные стулья, то ли забыв, то ли намеренно давая понять, насколько в неравном положении они находятся, и он чувствовал себя, будто снова внезапно угодил на еще один экзамен.

– Что ж, думаю, мое присутствие необязательно, поэтому позволю себе откланяться, – преподаватель, как показалось Роману, ободряюще ему кивнул перед тем, как оставить их втроем.

– Разумеется, это временные трудности. Мы найдем выход. На внешних рынках ждут кытовую древесину и готовы платить за нее огромные деньги. В нашей компании проводится поиск различных решений проблемы. Кроме всего прочего, наши исследователи пытаются вывести кыт на участках, изолированных от Леса. Но это вопрос далекого будущего. Никто не откажется от разработки природных массивов. Нам постоянно не хватает специалистов, поэтому мы предлагаем всем выпускникам поработать на компанию, применить полученные знания на практике. Причем за хорошую оплату, заметь.

Роман невольно почувствовал заинтересованность: что они предложат после такого вступления? Но последовавший вопрос застал его врасплох:

– Нам известно, что дома ты частенько навещал Лес. Скажи честно, это началось еще в детстве? Ну, твои хождения! И с какого тогда возраста?

Он вынужденно кивнул, но откуда они узнали? Почти все соседские ребята боялись нарушать строгий запрет родителей. Свои вылазки он совершал в одиночку и никогда об этом не распространялся. Только отец знал и даже несколько раз наказывал, но с годами стал смотреть на его лесные прогулки, всегда заканчивавшиеся благополучно, сквозь пальцы, хотя продолжал не одобрять. Мать не переставала опасаться за него, как бы чего не случилось, как бы он не заблудился, но никаких опасностей в лесу ему ни разу не встретилось...

И тут он вспомнил. Как-то здесь в поселке, празднуя с приятелями начало учебного года, он разболтался про свое лесохозяйство. Они посмеялись, позавидовали вслух его смелости – только и всего, никакого продолжения, больше о том никто не вспоминал. И вот на тебе! Только кто из них: Ярбик или Савка? Впрочем, это уже не имело значения... Ничего преступного в его детском пристрастии не усматривалось, вряд ли теперь накажут за подобное.

– А твои родители знали?

Он отрицательно покачал головой, зачем спрашивают? Все-таки, несмотря на одинаково короткие прически и униформу, сотрудников «Экофлора» нельзя было принять ни за клоны,

ни за двойников. Друг от друга они отличались комплекцией, манерой держаться, даже положение рук на столе выдавало, кто из двоих важнее и потому чувствует себя непринужденнее. К тому же и голоса звучали совершенно по-разному.

– Да не беспокойся ты так. Просто нам нужно все выяснить для выбора профиля твоей же будущей работы. Понимаешь? – пояснил тот, что выглядел подчиненным и казался несколько моложе напарника.

– Скажи, Рома, – серьезно и вкрадчиво продолжил второй. – Как далеко и надолго ты можешь беспрепятственно заходить в Лес?

Младший Крайнов пожал плечами. Вопрос показался не вполне понятен. Неужели их в самом деле может интересовать подобная ерунда?

– Тогда уточни, пожалуйста, как долго ты можешь идти вглубь, не поворачивая назад? Ты же не будешь отрицать, что продолжаешь иногда совершать такие прогулки?

– Ну, не знаю. Да хоть целый день. Я никогда не придавал этому значения и не чувствовал никаких препятствий, кроме собственной усталости. Просто могу идти, сколько захочу. Но всегда рассчитывал так, чтобы вернуться домой засветло, чтобы никого из домашних не волновать. Да и в самую чашу никогда не забирался и в лесу ни разу не ночевал.

– Хорошо. Думаю, тебе известно, что далеко не каждый способен на подобное. Такие, как ты, Рома, особенно ценны для нас. Ты вырос у границы Леса и, как нам известно, с раннего детства мог свободно входить в него и выходить. В тебе нет страха перед ним, и он принимает тебя без враждебности. Поэтому мы пока не предоставляем тебе место в лаборатории или опытном питомнике, для тебя найдется кое-что другое, поинтереснее.

– Что же тогда вы хотите мне предложить? По правде говоря, я уже и не рассчитывал работать на лесозаготовках, в отцовском хозяйстве тоже нужны руки. Жаль только потраченного на учебу времени...

– Терпение, терпение, Рома. Полученные знания тебе еще пригодятся. Возвращайся к отцу, как решил, будешь держать нас в курсе всего непонятного и непривычного, что только заметишь. Ты же слышал о зеленом человеке, о зомби и прочем? Теперь ты вполне сможешь отнестись к ним как ученый, а не простой малограмотный фермер. От тебя потребуются описание всего в мельчайших деталях, скрупулезно и систематически. Понимаешь?

– Я, наверное, не смогу, – отчаянно замотал головой Роман. – Да и время откуда, я же буду помогать в хозяйстве...

– Еще как сможешь, к тому же не за спасибо. Тебе будет выплачиваться зарплата сотрудника. И передавать свои сведения ты станешь через Астронет, а не приезжать всякий раз без вызова.

– Но у меня нет даже личного компа для выхода в сеть...

– Это легко исправить, – снисходительно усмехнулся второй экофлорец, переглянувшись с напарником. – Мы предоставим тебе новейшую портативную биомодель, на такую тебе не заработать и за два года копания в отцовском хозяйстве. Это тебя убедит?

– К тому же при возобновлении добычи в прежних объемах – а мы не сомневаемся, что в будущем удастся превзойти их, – тебе гарантируется место по профилю, сможешь обзавестись собственным домом и семьей без помощи родителей, – торопливо добавил улыбавшегося экофлорца. – Так что, согласен?

Роман неуверенно кивнул.

– Вот и хорошо, мы не сомневались. Подробные инструкции получишь позже. Кроме рапортов об интересующих нас событиях, ты проведешь некоторые опыты – с лабораторными работами ты справлялся неплохо. И с картой придется поработать – например, отмечать скопления кыта. Так что бездельничать в свободное время не придется. Все будет оплачено по справедливости, но за это нам надо знать и настроения окружающих тебя, их отношение к

указам властей, ксенологов, земной администрации. Полный отчет о содержании разговоров, особенно про Лес и «Экофлор»...

– Вы что же, хотите, чтобы я шпионил, стучал на своих? Да за кого вообще вы меня принимаете? Зря теряете время на... как это называется? Вербовка, да? – Роман негодуяще посмотрел на представителей компании, вообразивших себя вправе распоряжаться его жизнью и желаниями. Он их не боится, плевать на них хотел, вполне обойдется без их благодеяний и денег. И пропади пропадом обещанный биокомп!

– Фу, молодой человек, вы явно пересмотрели развлекательных голофильмов по истории прародины и видите ситуацию в неправильном свете. Мы просто предлагаем исследовательскую работу, соответствующую полученным знаниям и способностям... При том, что у многих твоих сверстников сейчас нет такой возможности, ты поможешь себе самому и своим близким, и не только материально. Может, ты пока не задумывался, но вопрос стоит о выживании всех. Нет, парень, ты совершенно неправильно нас понял. Пойми и рассуди трезво: работы на заготовках в ближайшее время не предвидится. Если ничего не делать, дальше станет только хуже. Мы хотим поскорее решить эту проблему, и ты должен нам помочь, у тебя достаточно знаний и опыта. Нам нужны сведения, которые ты будешь поставлять. Не считай себя таким уж исключительным, ты вполне заменим, многие уже помогают нам, от добровольцев отбоя нет. Но твое участие желательно. Как знать, может, оно ускорит выход из теперешних трудностей. Так что – не упusti свой шанс, не пори горячку!

Роман не больно-то поддался на столь проникновенные уговоры, но следующие слова одного из экофлорцев сразу убедили дать согласие:

– От нашего предложения не отказываются, в противном случае мы объявим, что ты давно работаешь информатором. Посмотришь, как к тебе отнесутся знакомые, да и все вокруг. А так ты станешь официальным сотрудником исследовательского отдела с приличным вознаграждением. Так что, пойми, выбора у тебя нет. Самое разумное – добровольное участие.

Роман со смешанным чувством вернулся под родительскую крышу, а через три дня получил посылку с обещанным биокомпом, о котором мог лишь мечтать. Только при виде столь диковинной и дорогой вещи, предназначенной для отправки каких-то отчетов для «Экофлора», Крайнов-старший поверил, что сын прибыл назад не безработным дармоедом, а хорошо оплачиваемым служащим солидной компании. Но так и не понял, о какой точно работе шла речь.

Новое назначение

Черока Квикфута ждал приятный сюрприз – отправка на недавно освоенную окраинную планету Именно для таких мест готовят выпускников академии, и теперь вместо кабинетного затворничества перед ним открывался край освоенной Галактики – удел настоящего ксенолога. Но самое главное – ко всему прочему прибавлялись немислимые прежде полномочия.

Все объяснялось ситуацией: впервые за историю переселенцы столкнулись с признаками разума у местной флоры, удивительным образом не распознанного предварительной разведкой. Усиление тамошней ксенослужбы не принесло ожидаемого результата. Вопрос оставался открытым. Закончившему не так давно с отличием академию предоставлялась заманчивая возможность применить способности и таланты. Молодому специалисту, каким мог пока с натяжкой считаться Квикфут, несказанно повезло – его назначили руководить планетарной службой. Случай, подобный крупному выигрышу в межзвездную мегалотерею.

Но Черока не оставляло неприятное ощущение, что в этой ситуации что-то не так. Сыр бывает бесплатным только в мышеловке – вспоминалась вновь и вновь избитая, поколениями проверенная мудрость. Скорее всего, причина в наличии чуждых форм жизни, не зря же Форестане, как называлось место назначения, определили внушительный штат ксенологов. Пока Квикфут не имел конкретных данных по таинственной планете, и это предстояло поскорее исправить.

Только что испеченный администратор готовился отправиться на новую работу. Будучи дальним потомком почти полностью истребленных колонизаторами североамериканских индейцев Земли, он лелеял в себе крохотную надежду на реванш за преступления, совершенные над предками. Сколько раз представлял себе, как окажется на границе изученного космоса и с триумфом поможет понятному только им чужому притесняемому Разуму выстоять под натиском наследников белой расы. На праправнуков китайцев, прочих азиатских народов и выходцев из Африки, успевших когда-то пострадать от бледнолицых цивилизаторов, его хищерические планы мести не распространялись.

Словом, скрытой мечтой Черока оставалось предстать в один прекрасный момент защитником и спасителем бедных бесправных аборигенов. Просмотры сотен исторических и псевдоисторических голофильмов про те мифические времена отложили на рядовом труженике Департамента свой отпечаток. Конечно, все оставалось в его виртуальных фантазиях. Никогда и ни с кем не делился он такими выдумками, его бы просто не поняли.

И вот наконец-то судьба преподнесла Чероку вожденный подарок – целую планету, на которой ошибки предшественников требовали немедленного исправления. Но какие бы честолюбивые прожекты ни начал строить про себя молодой специалист, узнав о предстоящих переменах, перед отлетом его снабдили вполне приземленными инструкциями. Беседа проходила в кабинете главы Департамента Сектора, куда Квикфуту, как и многим сослуживцам, путь до того был заказан.

За глаза подчиненные называли директора Отцом. Кроме присутствия иронии, в том преобладала доля почтительности. Заняв свое кресло задолго до рождения Квикфута, первый человек Департамента царил здесь не один десяток стандарт-лет. Несмотря на авторитарность управления, а возможно, благодаря именно таким методам, ему удалось пережить все проверки и инспекции центра, заодно избегая недовольства и критики снизу. Он оставался на недостижимой высоте, многие его не любили, но уважали и даже побаивались. В справедливом и постоянно учитивом отношении Отца к подчиненным вряд ли кто сомневался. Подлинный биологический возраст директора оставался загадкой для всех, кроме нескольких кадровиков, державших рот на замке.

Внешне он выглядел довольно молодожаво и подтянуто, что явно не соответствовало долгому сроку его руководства и могло запросто объясниться общедоступными косметологическими ухищрениями. Впервые оказавшись с ним лицом к лицу, Черок не мог избавиться от обманчивого ощущения, что разница между ними не превышает двух-трех стандартных десятилетий, хотя такое заведомо не соответствовало истине.

Всю стену за спиной главы Департамента занимала голограмма с эмблемой Ксенологической службы: на фоне раскрытой человеческой ладони среди мириад звезд огненно рдел девиз службы. Всего три слова на всемирном языке, первое, что внушалось в голову каждому новоиспеченному ксенологу:

НАЙТИ. ПОНЯТЬ. ОТВЕТИТЬ.

Самое краткое и вместе с тем емкое определение сути их работы, целей и практических действий. Именно так, слово в слово, лучше не скажешь...

– Должен сразу пояснить кое-что, уважаемый Черок. Вероятно, у вас могло сложиться превратное представление о месте в нашей организации. Вы могли вообразить, что не получаете должной оценки, что вас обходят по службе, что вы давно выпали из поля зрения руководства и так далее. Так вот, если у вас действительно появлялись подобные сомнения, должен официально уверить, что это вовсе не так. Мы высоко вас ценим, как и всю проделанную вами работу, и поверьте, то, что вы не получили до сих пор соответствующего поощрения, записано вам в актив. Вас не теряли из виду, но держали в резерве, в нашем стратегическом резерве, заметьте. И вот теперь вы получите ту должность, которую справедливо заслужили.

Последовала небольшая пауза, во время которой Черок тщетно пытался угадать, что последует дальше.

– ...Но сначала позволю себе спросить: вы слышали о Форестане, или иначе – Лесной планете? Ничего страшного, если нет, это не ваш сектор, и получение информации по ней никогда не входило в круг ваших обязанностей.

Чероку осталось подтвердить очевидное.

– Нас беспокоят тревожные отчеты оттуда. Вам надо поскорее ознакомиться с вводными данными. Время не терпит, воспользуйтесь этим... – Он положил перед Квикфутом горошину с кристаллом памяти. – Все собрано и сформатировано таким образом, чтобы мозг максимально быстро усвоил весь материал.

Упредительная секретарша проводила в изолированную комнату, где помогла Чероку вооружиться налобным декодером. Входным портом использовался зрительный анализатор, информация ускоренно скачивалась через сетчатку глаза и надежно оседала, не затрагивая сознание, в восприимчивых к ней нейронах мозга. Мenee часа ему потребовалось, чтобы узнать подробности, касавшиеся конечного пункта назначения.

«Но почему такая спешка? – недоумевал Квикфут. – Почему бы не готовить меня постепенно к предстоящей миссии, чтобы потом не напортачить второпях?»

Он поинтересовался о том вслух, едва вернулся к Отцу Департамента.

– Действительно, времени у нас нет. Понимаете, усиление активности тамошней мегафлоры может вынудить к срочной эвакуации колонистов с планеты. А это невозможно сейчас, хотя бы чисто технически. Таким образом, от вашего отчета с места зависит ни много ни мало, как решение о посылке к Форестане боевого корабля. – Хозяин кабинета нервничал и даже не пытался скрыть тревогу, он явно недоговаривал.

– Но почему выбор пал именно на меня? – продолжал недоумевать новоиспеченный координатор.

– Понимаете, Черок, все мы – руководители высшего звена службы – прошли через полевые работы на разных планетах. Одной кабинетной возни недостаточно для карьерного роста. Поверьте, вы достигнете нашего положения, но для этого необходим своеобразный должност-

ной трамплин. Если вы справитесь с порученной миссией, в чем нет никаких сомнений, я гарантирую, Форестана послужит вам самой подходящей рекомендацией в будущем.

«Или наоборот», – мрачно подумал Черок.

– Нам нужен свой человек на планете, которому можно полностью верить. Недавнее увеличение там штата сотрудников ничего не дало. Космос их знает, как они проморгали разумную флору! Конечно, проводится тщательное расследование. Вероятнее всего, желание заполучить ценную древесину немедленно пересилило прочие соображения. Не исключено, мы никогда не узнаем действительных выводов первых экспертов. Не буду от вас скрывать, ксенологи на Форестане работают не столько на наше ведомство, сколько на вояк и на коммерческую структуру, какой там является компания «Экофлор». Надо очень осторожно разобраться без малейшей утечки: лишний шум недопустим. Федеральное правительство принимает в этом самое активное участие. Имейте в виду, все конфиденциально между нами, действуйте по принципу «доверяй, но проверяй». Вам предоставляется свобода действий, но держите нас постоянно в курсе событий. Думаю, все ясно? Вопросы?

Черок уже легко выуживал требуемое из собственной памяти и полностью смог оценить полученное подспорье. При упоминании древесины тут же услужливо всплыла информация о единственно ценном предмете экспорта колонистов. Торговля форестанскими пиломатериалами оказалась удивительно выгодным делом. За годы появления товара на косморынке цены на него не переставали расти. Межзвездному концерну «Экофлор» удалось заполучить полную монополию на скупку и перепродажу столь ценного сырья. Несомненно, прибравшая к рукам целую планету компания выражала интересы правительства Федерации и не могла действовать без его ведома. Но многое оставалось неясным.

Постоянно растущий спрос объяснялся тем, что форестанская древесина уникально отличалась от прочих, в том числе и земных аналогов. Особую ценность представляли изделия из кыта, гигантской псевдососны. Необычные свойства дерева обусловило строение растительных волокон. Клеточная структура походила на кристаллические решетки редких природных минералов или драгоценных металлов, фрактально повторяя их порядок на гораздо более сложном уровне. Специалисты не пришли к единому мнению – оказались такие особенности изначальными причудами эволюции или же перестройка произошла на поздних стадиях развития мегафлоры?

Суть крылась не в этом. Всевозможные изделия из кыта – мебель, отделочные пластины и прочее – аккумулировали в себе огромные запасы биоэнергии. Более того, они представляли собой естественные излучатели, воздействующие при определенных условиях на любые биологические объекты. Приближенные к таким источникам организмы начинали функционировать намного эффективнее прежнего. Человеческое тело не составляло исключения – резко ускорялось заживление ран, возрастала скорость и эффективность работы мозга. Все существа под воздействием кыта поразительно быстро справлялись с любыми отравлениями, нервная система становилась устойчивее к стрессам, повышались иммунитет, работоспособность, детородная функция. Опыты доказали: продолжительный контакт с подобными изделиями мобилизует скрытые резервы на клеточном уровне.

Самое поразительное – постоянная близость кытовой древесины продлевала сроки жизни, производя до определенного предела омолаживание всего организма. Причем механизм отличался от давно известного действия стволовых клеток полным отсутствием побочных эффектов. Не приходилось сомневаться, что немало качеств оставались пока не выявленными, но даже открытых хватило, чтобы посчитать продукт важным стратегическим сырьем для Земной Федерации. Кытовые панели успешно использовались в кабинах боевых космолетов для ускорения реакции пилотов. Если уж мертвые образцы сохраняли столь удивительные свойства, оставалось только гадать, каково непосредственное воздействие форестанской псевдососны в природных условиях.

Черок знал теперь, что даже кресло главы Департамента, этакий массивный многофункциональный трон с внешним голографическим интерфейсом, имело вставку подобного материала. Однако спросить начальника, насколько тот ощущает положительное воздействие кыта и как оно конкретно проявляется, Квикфут не решился.

– Так что, дорогой Черок, придерживайтесь инструкций и параграфов по контакту с инопланетным разумом, но не забывайте, что Федерация не может лишиться поставок кыта. Это не только вопрос сегодняшней безопасности человечества. Футурологи считают, что в обладании им – ключ к будущему доминированию во всей Галактике. Поэтому пусть вас не удивляет, если интересы местных фермеров и тому подобное будут учитываться в самую последнюю очередь. В сравнении с этим даже наличие негуманоидного разума на Форестане – не глобальная, а чисто местная проблема. Так что ни на минуту не забывайте о наших общечеловеческих приоритетах. Исследовательское любопытство, пангалактическое сотрудничество и прочие высокие материи оставим на потом. Вы меня понимаете, Черок?

Задумчивый тон несколько не обманывал Квикфута, вряд ли Отец считал его «дорогим» и «уважаемым», но оставалось только вовремя кивать и соглашаться, хотя вовсе не этому учили в Ксеноакадемии.

– Да, и постарайтесь выяснить, что знают в «Экофлоре» о вероятной разумности Леса, ни в коем случае не портите с ними отношений. Проявите дипломатичность. У них на Лесной собственный, неплохо оснащенный исследовательский отдел, возможности которого намного превосходят наши. Да и вся тамошняя инфраструктура фактически создана с их участием и контролируется ими. Два орбитальных лифта, спутники связи с инфосетью и так далее. Хотя все мы сообща работаем на правительство Федерации, ни для кого не секрет, что компания имеет приоритетную поддержку. Даже финансирование всей нашей Ксенослужбы в какой-то мере зависит от них... Я не говорю уже о прямой технической помощи «Экофлора» нашему отделению на Лесной. Сами разберетесь. Так что первым делом наладьте общение с ними, наши сотрудники на месте помогут сориентироваться. Будет лучше, если вам удастся установить личный контакт с директором филиала компании Ано Кадама. Подробная справка по нему у вас имеется. Постарайтесь решать все вопросы напрямую, помимо его заместителей. Это будет соответствовать вашему статусу.

Черок продолжал кивать в нужных местах наставления. Выходит, передача «Экофлору» монопольных прав на планету в нарушение всех федеральных и общечеловеческих законов объяснялась «высшими интересами»? Но гораздо важнее узнать, как смогли ксенологи просмотреть признаки разумности у местной флоры?

Он не выдержал и спросил об этом вслух.

– Что ж, пока говорить о какой-то злонамеренности нет оснований. Хотя наши сотрудники должны быть исследователями высокого класса – да такими в действительности всегда и являются, – участники первой экспедиции могли стать заложниками предвзятого подхода. Ведь до сих пор мы ориентировались на обнаружение любой формы гуманоидной или негуманоидной жизни в виде животных организмов. О возможности открытия растительных форм вопрос, увы, никогда не ставился, к глубокому сожалению. Так что они могли просто прозевать, слишком все торопливо проводилось – и частичное терраформирование, и переселение колонистов в достаточном для разработки леса количестве. Все определялось желанием скорейшего получения кыта. О массовой миграции на планету для решения каких-то внешних демографических проблем Федерации речь никогда не заходила. Тем более теперь и вовсе никто не строит подобные планы.

– А что ждет моего предшественника? Мне же предстоит сразу занять его должность. Выходит, он не справился с задачей, и его отстранили? В таком случае как-то сомнительно, что он с радостью примет меня и введет в курс дел, ничего не утаивая.

– Все нет, Фердос Куус исчез, и его местонахождение до сих пор не установлено.

– Похищен? – предположил неприятно изумленный Квикфут.

– Мы не имеем информации, подробности предстоит выяснить уже вам. За месяц до своего исчезновения он перестал присылать регулярные отчеты. Придется разобраться и с этим. Все данные о его деятельности будут предоставлены.

Черок озадаченно посмотрел на голограмму огромной раскрытой ладони на звездном фоне стены. Его миссия продолжала усложняться, а радость от нового назначения таяла на глазах.

– С пошаговыми инструкциями вы ознакомитесь в полете, времени достаточно. Но многое зависит от вашей собственной инициативы. Держите нас в курсе. Не исключено, что придется изменить структуру местного отделения службы, объявить карантин, ввести особое положение и прочее, прочее. Главное – не терять контроля. Вы наделяетесь достаточными полномочиями и не обязаны отчитываться ни перед планетарными властями, ни перед руководством «Экофлора». Всесторонне изучите и просчитайте ситуацию, задействуйте помощников и советников из ксенологов на месте, в конце концов, используйте все ресурсы. Вам дано право увольнять или принимать новых служащих. Прежде всего, руководствуйтесь интересами Федерации. Вам предоставлен шанс выйти в дамки. Но все же будьте осторожны и продумывайте тактику. Главное – не наломать дров. Не забывайте держать связь со мной и старайтесь согласовывать ваши действия, по возможности, конечно. Вам все понятно?

Черок неуверенно кивнул. Либо кытовая отделка кресла не уберегла владельца кресла от проявлений склероза, либо Отец считал его, Черока, за слабоумного и повторением одного и того же хотел наверняка вбить ему в голову свою ценную директиву.

– Я понимаю, Квикфут, всякий в ваши годы хочет прославиться, совершить открытие, а уж ксенолога хлебом не корми, только дай возможность установить контакт с внеземным разумом. Это иллюзии. Понимаете, Квикфут, я слишком стар, чтобы поддаваться подобному, хотя было времечко... И все оказалось напрасным. Теперь я только стремлюсь без потрясений уйти на покой, уже недолго ждать, потому всегда помню об интересах звездного человечества. Ксенологическая служба должна прежде всего не гоняться за гипотетическими братьями по разуму ради неизвестно чего, а сохранять всеми силами и средствами статус-кво, при котором люди могут раздвигать для себя космические границы и оберегать их от возможных угроз извне. Понимаете, Квикфут?

– Да... – выдавил из себя Черок. Не такими представлялись ему задачи казавшейся до сих пор независимой организации, не этому его учили в академии. Да и с девизом на стене как-то не согласовывалось...

– Ну, вот и отлично, Квикфут! Не смею дольше задерживать. Желаю удачи, и держите в курсе – не забывайте об отчетах. И... еще раз удачи! – Даже напоследок он не удержался от повтора.

Снова и снова перебирая в памяти усвоенные материалы по Лесной, Черок убеждался, что придется самому докапываться до природы ее необычной флоры. Данные выглядели очень неоднозначно. Насколько он успел узнать, штат ксенологов там не насчитывал и шести десятков сотрудников, а его заверили, что будет «достаточно помощников и советников на месте». Никогда перед ним не стояло более важной, хотя и не вполне понятной задачи, зато дальнейшая жизнь наполнялась незнакомым прежде смыслом. Он разберется во что бы то ни стало. А уж потом с пониманием придет ясность, нужна ли защита Лесу от алчных людей, или, напротив, сама флора поможет людям выжить на этой планете.

НАЙТИ. ПОНЯТЬ. ОТВЕТИТЬ.

Влекомый лесом

Отец давно бубнил о необходимости взяться за ум и определиться после учебы с личной жизнью. Как ни представлялись сыну обидными и унижительными подобные разбирательства, от них нельзя было никуда уйти. И хотя Крайнов-старший не торопил с окончательным выбором, которого Роман пока для себя даже не представлял, впереди все настойчивее маячила необходимость поездки в метрополию с той же определенной целью. Но средств на это не имелось и не предвиделось в ближайшем будущем, разработки Леса застопоривались все больше. В семье подрастали еще двое детей – Надя и Фил-младший. Их судьба, в отличие от неясностей с выбором старшего брата, виделась вполне предрешенной, но самих пока нужно было кормить и воспитывать. Так что Роману не оставалось ничего иного, как с головой заняться отцовским хозяйством, благо на обширных полях и в загонах для скота работы хватало.

Если война с Лесом и утихала на время с каждым новым запретом ксенологов, то вскоре возобновлялась с прежним накалом. Фермеры не желали отступать, понемногу прибывали новые поселенцы, освоенных территорий представлялось недостаточно. Но главным оставалось желание получать больше строительных материалов и сырья для обработки и вывоза. Внешний рынок требовал ценную древесину, без экспорта никакое улучшение жизни не мыслилось. Да и заинтересованная в торговле компания «Экофлор», не считаясь с рекомендациями ксенологов, всегда поощряла поселенцев к расширению единственно прибыльного производства. Сопrotивление Леса колонисты воспринимали, как тупую противодействующую силу, мешавшую росту их доходов и благосостояния.

Справедливости ради следует отметить, что точно так же неприязненно местные смотрели и на залетных ученых, безуспешно пытавшихся не первый год разобраться в отношениях с Лесом. Другое дело «Экофлор», державший все нити внешней торговли. Работа в компании представлялась надежным и престижным занятием. Ей принадлежал собственный институт с оборудованными по последнему слову науки лабораториями и опытными участками. Там изучались все проблемы, связанные с Лесом, но в первую очередь – практика добычи и обработки древесины. Роман надеялся на обещанный вызов именно туда, но оптимизма с каждым днем оставалось все меньше.

Внезапный для многих поселенцев полный запрет на вырубку воспринялся ими, как проiski внешних неприятелей, не желавших развития и процветания колонии. Конечно же, это скрытые закулисные враги стараются изолировать Форестану от внешнего мира, точат зубы на ее лесное достояние! Хотя мало кто из колонистов осознавал действительное положение их захолустья в звездном сообществе, такие настроения находили все больше приверженцев, как и требование полного отделения от метрополии. Только экспорт древесины приносил прибыль и придавал значимость планете. Полная остановка производства вызвала рост симпатий к партии сепаратистов, ставшей самой влиятельной силой среди местных. Никакие общественные организации не пользовались прежде такой поддержкой разобщенных и далеких от политики фермеров.

Кроме инопланетных супостатов, только и мечтавших посильнее насолить колонистам, радикалы определили и внутреннего врага в лице агрессивной безмозглой флоры, которую призывали немедленно укротить. Изо дня в день множились байки, искажавшие ответные действия Леса и только сильнее возмущавшие фермеров. И хотя немногочисленные ксенологи продолжали настаивать на тщательном изучении всех фактов, их почти никто не слушал. Ставший привычным миф об угрозе от местной растительности устраивал слишком многих.

Не только обучение в поселке, но и природная смекалка помогли Роману Крайнову увидеть проблему в истинном свете. Несмотря на молодость, он понимал, в отличие от многих старших по возрасту и положению, что бездумное уничтожение Леса не даст ничего хорошего,

лишь непродолжительную выгоду на внешнем рынке, а затем довольно сомнительное будущее. Планета оказалась бедна минеральными ресурсами, и ничто пока не указывало на скрытые в недрах залежи ископаемых. Впрочем, масштабная разведка не велась из-за отсутствия средств.

Лишь «Экофлор» проводил собственные исследования, но и этот единственный благодетель не спешил порадовать обнадеживающими результатами, которых, скорее всего, не имелось. Лес представлял собой реальное сегодняшнее богатство, без которого невозможна более-менее приемлемая жизнь для следующих поколений. Бережный подход к его ресурсам сулил гораздо большие и долгосрочные прибыли в будущем, нежели бездумная погоня за сиюминутной наживой. Хотели или нет поселившиеся на Форестане, они оказались неразрывно связаны с Лесом и уже не могли без него обойтись, тогда как сам Лес не очень-то в них нуждался, о чем свидетельствовало его существование задолго до появления людей.

Романа пока не посещала бредовая мысль о разумности Леса, но годы учебы не прошли зря. То, что местная флора представляет собой сбалансированную замкнутую экосистему, чутко реагирующую на любые вмешательства, для него представлялось несомненным. Теперь появилась надежда: если он успешно выполнит все задания, может, на зависть другим, его примут в исследовательский отдел «Экофлора»? Ему очень этого хотелось, другой возможности применить свои способности на Форестане он не видел.

С самого раннего детства, несмотря на запреты и наказания отца, Рома любил в одиночку прятаться и играть среди деревьев, подальше от сверстников и взрослых. Как только выдавалось свободное время, он углублялся в дебри не захватчиком или хозяином, а смиренным наблюдателем таинственной жизни. Его неодолимо влекло в чащу, только здесь его поджидали покой и расслабление. Все его детские проблемы, обиды, плохое настроение улетучивались без следа среди неохватных стволов, бросавших вызов гравитации. В Лесу у него возникало ощущение, будто он очутился дома после долгого отсутствия. Ему казалось, заросли вокруг воспринимают такое отношение и не просто терпят присутствие чужака, но давно принимают за своего.

Поверив всевозможным страшилкам, колонисты запрещали детям приближаться к чаще. Роману, выросшему тут и с детства любившему лазить по зарослям, это казалось нелепым и смешным. В Лесу он никогда не испытывал страха, чувствовал себя небывало свободно, и все окружающее воспринималось им давно знакомым и близким, тем, без чего просто невозможно жить.

Ему представлялось, и Лес отвечает тем же, становится понятнее и ближе. Он видел, что там, где люди особенно настойчиво уничтожали заросли, незамедлительно следовал решительный ответ, от которого страдали фермерские хозяйства. Поврежденная или уничтоженная растительность буйно восстанавливалась и с лихвой возвращала утраченные позиции.

Вдали от дома Лес начал осознаваться Романом почти родным. Все чаще ему хотелось бросить учебу и очутиться под сенью зеленых великанов, манящих с первых мгновений сознательной жизни. В Лесу даже воздух ощущался иначе – объемным до осязаемости, наполненным ароматами прелых листьев, медвяных цветов и душистых трав. Только здесь дышалось полной грудью, легко и свободно, как нигде в тех местах на равнине, которые ему успел показать отец.

Воздух заполнял легкие до альвеол, снимал усталость и придавал силы. Он пьянил то ли чрезмерным содержанием кислорода, то ли переполнявшими каждый его глоток живительными ароматами Леса, то ли чем-то еще неизвестным. При этом не терялась четкость мышления, напротив, мысль становилась не только ясной, но многомерной и всеохватывающей. Роман воспринимал тогда многое совсем в ином свете, как бы со стороны, приобретая способность проникать в самую суть вещей. Жизнь вокруг становилась понятной и целесообразно устроенной в мельчайших проявлениях и множестве видимых связей причин и следствий. Неведомо каким образом, но он постигал здесь новые понятия, и многое до того расплывчатое и

запутанное становилось для него простым и разгаданным, не теряя при том своей внутренней сложности.

Он не раз замечал, как подобное состояние многократно усиливалось вблизи, казалось, физически излучавших мощь кытов. Древесные левиафаны здешнего мира вызывали у Романа особое восхищение, он испытывал перед их почти осязаемой силой языческий трепет. Неохватные стволы с непостижимой легкостью, будто смеясь над силой тяжести, возносились вверх на десятки метров. Они служили главной опорой жизни Леса, его надежным живым каркасом.

Стоило обнять кыт, прижаться щекой к прохладной шершавой коре, как почти сразу начинал ощущаться прилив бодрости и переизбыток сил. Слово через каждый незащищенный сантиметр кожи передавалась не уловимая ни чувствами, ни человеческими приборами энергетика. Казалось невозможным, чтобы у кого-то могла подняться рука на подобное чудо.

Но именно древесина этих гигантов представлялась ценнейшей добычей для заготовителей. Кыт оставался единственным товаром, за который, не торгуясь, выкладывали баснословные суммы, цены на него только возрастали. Именно на его реализации держалась экономика колонии.

Снова очутившись в никогда не перестававших манить его дебрях, Роман чувствовал, что вернулся в свой подлинный дом, отсюда виделись все неправильности быта форестанцев, преступные ошибки, совершаемые ими по отношению к Лесу. Ему казалось, он чего-то недопонимает, не знает пока, как и другие, возможных радостей будущей жизни в согласии с природой, без хищнической траты зеленого богатства.

То, чему его учили в центральном поселке – способы беспощадного разграбления естественных запасов планеты, методы обработки древесины для товарного вида – все больше казались ему неправильными и непрактичными. Слово сам Лес пытался что-то донести, посоветовать, указать иной путь. Роман пока не мог воспринять его подсказок, только твердо решил, что врагом живого зеленого царства сам никогда не станет. Он сознавал, как много еще надо постичь, чтобы суметь жить по-новому. Но где взять таких учителей?

Часами он искал с помощью нового биокомпа от «Экофлора» ответы на множество подобных вопросов, но Астронет ничем не мог в этом помочь.

Предсказание

Утверждать, что перемена жизни явилась для Квикфута полной неожиданностью, было бы не совсем верно. Много лет назад, еще курсантом первого курса академии, Черок с товарищами забрел на один из немногих уцелевших загородных пустырей. Они добрались сюда с определенной целью: уже месяц на этой пустоши располагалась гастролирующая звездная ярмарка.

После высотных архитектурных изысков мегаполиса здешние приземистые шатры и балаганы смотрелись странно и совершенно неуместно. В век непрерывно совершенствующихся технологий подобные примитивные сооружения не могли не манить зевак нарочитой безыскусностью, и посетителей тут всегда хватало. Вот и Черок с приятелями явились исполненными любопытства и жажды поближе ознакомиться с экзотичной выставкой. Повсюду шла бойкая распродажа сувениров и необычных безделниц, как правило, вручную изготовленных на далеких планетах.

Но молодые курсанты не собирались тратить на всякую ерунду. Им хотелось поражающих воображение зрелищ и щекочущих нервы развлечений, потому они, не сговариваясь, сразу устремились на голос зазывалы в космический зверинец. За сверхпрочными витринами клеток, приспособленных к естественным условиям жизни обитателей, их взорам предстали различные образы и чудища иных миров. Скорее всего, многие из них являлись всего лишь побочным результатом геной инженерии, но начинающие ксенологи отыскивали среди паноптикума несколько узнаваемых экземпляров.

Пятнистый камнегрыз – хищник с пустынной планеты Сириуса – запомнился по голографическому изображению на уроке ксенобиологии. Теперь они смогли воочию полюбоваться жутким шестиногим монстром с удлиненной мордой крокодила. Мощные коричневые пластины чешуи и внушительные когтистые лапы придавали инопланетному порождению весьма угрожающий вид. Маленькие злобные глазки мгновенно осветились оранжевым огнем при виде подошедших двуногих, из раскрывшейся вместительной пасти с двумя рядами острых мелких зубов закапала дымящаяся ядовитая слюна.

Черок с облегчением вспомнил, что в пригодной людям атмосфере это исчадие ада не проживет и минуты, к тому же все отсеки имели тройную, если не большую степень защиты на случай внезапного приступа бешенства у непредсказуемых тварей. Светящиеся надписи заверяли, что всем без исключения в пищу подмешивались успокоительные средства, а нервные узлы агрессивных существ постоянно обрабатывались с той же целью ультразвуковым излучением с индивидуально подобранной для каждого вида частотой. Однако все трое облегченно вздохнули, когда камера жуткого чудища осталась далеко за спиной.

Чуть поодаль расположился цирк-шапито, где почти такие же, но чуть менее дикие уроды выполняли различные трюки под контролем внимательных дрессировщиков, между выступлениями акробатов, фокусников, танцоров-огневигов. Однокурсники устремились за новыми впечатлениями, но на этот раз Черок не составил им компании.

Он с детства терпеть не мог принудительные выступления любых животных, считая подобное форменным издевательством над лишенными свободы и выбора существами. Пусть такое оправдывалось отсутствием, по человеческим меркам, разума, он считал иначе. Квикфут отделился от приятелей и прошел дальше, его заинтересовала синяя палатка с незатейливыми золотистыми звездами, словно нарисованными детской рукой. У таинственного темнеющего входа косо приколотая табличка из пластика неодолимо манила небрежным начертанием общечеловеческого космолинга:

ГАДАЮ. ВОРОЖУ. ПРЕДСКАЗЫВАЮ СУДЬБУ.

Черок не верил в знакомые понаслышке астрологию с хиромантией, пережившие не одну из когда-то казавшихся вечными религий. Тем более в прорицателей и гадалок. Он лишь пренебрежительно усмехнулся, прочитав надпись, но любопытство пересилило и подтолкнуло войти внутрь. Времени, пока его спутники оставались в цирке, оставалось предостаточно, да и захотелось посмеяться в очередной раз над лжепророками, а то и посрамить их, если представится возможность.

– Входи, входи, мил человек, не бойся, – ободрил низкий женский голос с незнакомым акцентом.

Глаза быстро освоились с царившим внутри полумраком. Сначала он различил светящуюся голубым сферу над столом, затем восседавшую напротив смуглую женщину неопределенного возраста. Прямые черные волосы перехватывал золотисто поблескивавший налобный обруч, на котором на уровне бровей держалась небольшая стеклянная линза в оправе. Хозяйка палатки внимательно смотрела через монокуляр прямо на него, и как он ни пытался, не смог разобрать выражения ее затененных глаз. Когда же он рассмотрел в неярком отсвете шара черты незнакомки, она показалась удивительно похожей на него самого, вернее, на его далеких земных пращуров, цветом кожи, волос и бесстрастным, словно высеченным из камня лицом.

– Нет, Быстроногий, нет. Хотя и твои, и мои праотцы с матушки Геи, у нас нет ни капли общей крови. Я – цыганка. Поверь, и моему народу досталось не меньше, чем твоим соплеменникам. И все же, несмотря ни на что, мы оба живы: и ты, и я...

У Черока как-то сразу испарился ернический настрой. Как она смогла определить с первого взгляда и его фамилию, доставшуюся от какого-то шустрого прародителя, и принадлежность к почти полностью истребленным в дозвездную эру исконным обитателям североамериканского континента Земли? Такое совпадение не могло не поразить...

Подобная проницательность женщины пугала, представлялась необъяснимой, просто мистической. Наверняка монокуляр имел более сложное предназначение, чем просто увеличительное стекло. В нем мог скрываться тепловой сканер или еще что похлеще, позволяющее считывать и обрабатывать информацию с внешнего облика посетителей. Если технология гадальницы оставалась для него тайной за семью печатями, это не значило, будто не существует никакого рационального объяснения ее прозорливости. Ясное дело, оптическая штучка на лбу цыганки – вовсе не украшение, да и золотой обруч вполне мог таить в себе мощный компьютерный процессор с проецируемым на сетчатку глаза интерфейсом.

– Да не заморачивайся ты так! У нас даже носы разные! – улыбнулась хозяйка шатра, блеснув в приглушенном свете прекрасными для ее лет зубами. – Чего уж говорить о прочем... Но я знала, что ты сегодня придешь! И ждала тебя.

Черок непроизвольно коснулся двумя пальцами своей горбинки ниже переносицы. Некоторые называли ее «орлиной», впрочем, как он знал, многие племена индейцев любили украшать себя перьями этих ископаемых птиц. Так что же, неужели эта странная женщина могла свободно читать его мысли? Как такое возможно? Недавно усвоенные азы ментальных единоборств полностью исключали возможность столь точного считывания помимо его воли.

– Все не совсем так, как тебе представляется. Уж слишком ты себя мучаешь пустыми домыслами. Садись, Быстроногий, не стесняйся, позолоти ручку, и я открою тебе будущее. Ведь ты же за этим и пришел!

Перед столиком стояло сделанное под старину резное деревянное кресло ручной работы. Черок с опаской опустил на явно музейный экспонат и машинально протянул курсантскую кредитку, которую хозяйка тут же провела через прорезь терминала и вернула назад. Почему-то сейчас ему совсем не хотелось знать, насколько уменьшился его скромный счет. В неподвижном магическом шаре над столом, среди светящейся лазури, медленно крутились завихрения серебристой метели, и теперь, когда он внимательнее присмотрелся, то различил в них знакомые со школы очертания материков. «Это же прародина!» – безошибочно догадался Черок, но,

как ни продолжал вглядываться, не мог обнаружить своими зоркими глазами скрытую нить, на которой держалась свободно парящая в пространстве сфера.

Цыганка отвернула монокуляр кверху, затем извлекла крупные удлиненные карты с непонятными картинками и символами. Каким-то образом Черок уже знал, что это Таро, самые древние гадательные карты Земли.

– Да неужели это сработает? Разве кому-то ведомо чужое будущее? – усомнился Квикфут вслух. Как он смог поддаться на такую дешевку, бред, да и только! Хотя то, с какой легкостью она определила его фамилию и происхождение, доказывало, что какими-то недоступными его пониманию психотехнологиями таинственная прорицательница наверняка владела.

– Ты же не сомневаешься, что прошлое записано в тебе, – утвердительно молвила гадалка, тасуя и раскладывая колоду. – Но и будущее уже всегда с нами, оно отпечатано в нас, понимаешь? Мы сами его не ведаем, но эти карты откроют сейчас твое неизбежное. Ты же знаешь всякие умные слова, вот и успокойся, у тебя будет еще много времени поразмыслить обо всем.

Черок не мог сказать себе после, не использовала ли поразительно прозорливая цыганка какое-то подобие психогенератора, не воздействовала ли на его подсознание светящимся «магическим» шаром – моделью Земли, или просто применила обыкновенный гипноз? Но в эти минуты он находился как бы в трансе, лишенный собственной воли, и не было ничего важнее в мире, чем уверенные завораживающие пассы ее ловких рук, по-хозяйски раскладывающих карты в непонятной для него последовательности. Против собственной воли он застыл, словно осужденный, безропотно ожидавший оглашения приговора.

Спустя вечность она завершила таинственный ритуал. Покачала головой, открыла несколько карт. Задумчиво помолчала. Как внутренне скептически ни относился Черок к ее действиям, он не улавливал никакой игры или фальши, хотя никак не мог отделаться от подозрения, что не имеющая возраста предсказательница просто дурачит его.

– Что ж, Быстроногий, – наконец произнесла она и, оторвавшись от сообщивших ей нечто картинок, посмотрела прямо ему в глаза. – Тебя ждет очень, даже очень интересная жизнь.

Черок тут же подумал, что это он знал и без ее фокусов, для чего же еще он выбирал профессию ксенолога?!

– Это случится не сразу. Тебе выпадет дальняя дорога. Ох, и далеко же она тебя заведет, Быстроногий. Ты даже не представляешь... Очень, очень далекие края.

Она опять замолчала, разглядывая разложенные карты с ничего не говорящими Чероку странными изображениями.

– Ты найдешь много врагов, но и новых друзей... Тебя ожидают великие дела, большие испытания. Ты принесешь и большой вред, и большую пользу людям, которых пока не знаешь. Будь осторожен. Ты окажешься между королей, один из которых – много больше, чем король. Но знай также – ты встретишь даму сердца, принцессу, она не такая, как мы. Она будет любить тебя. Но главное, ты сам найдешь и узнаешь любовь, и это поможет тебе выстоять в трудное время.

– Слишком, уж, как-то все мудрено и туманно, – протянул с сомнением Черок, приходя в себя и пытаясь защититься остатками прежнего недоверия.

– Можешь не верить сейчас, но так все и будет. Я просто не знаю, как еще сказать тебе о том, что поведали карты. Слишком все необычно, я сама такого не видела никогда...

Чероку показалась, что в последних словах цыганки послышалась растерянность, которую она не сумела скрыть, хотя и пыталась. Он стряхнул с себя наваждение и только сейчас заметил, что бессознательно поглаживает подлокотники. Удивительно, эти произвольно повторяющиеся прикосновения пальцев и ладоней к полированному дереву сообщали ему странное успокоение, даже удовольствие. Он резко отнял руки и сел прямо. Разумеется, начи-

нающий ксенолог не разбирался в подобном, но материал кресла явно не походил на видимые прежде разновидности древесины.

– Это кыт, – улыбнулась цыганка одними уголками губ в ответ на немой вопрос Черока, нисколько не рассеивая его недоумение. – И о нем ты все узнаешь в свое время, не сейчас.

Вопреки его ожиданиям, она не попросила еще раз «позолотить ручку», лишь снова ода-рила напоследок долгим загадочным взглядом.

– Все, Быстроногий, прощай. Ты узнал, что хотел, а у меня другие дела... – она делано засуетилась, нарочито показывая, как сильно ей некогда. Словно открывшееся недавно в картах заставляло ее побыстрее спровадить неудобного посетителя.

– Даже не знаю, благодарить ли тебя... Да и за что?

– Когда придет время, ты вспомнишь и поблагодаришь. И тогда твоя признательность послужит людям, она и станет благодарностью. А теперь ступай, ступай себе с миром.

Черок с недоумением покинул шатер и вскоре встретился с приятелями.

До окончания академии он частенько вспоминал странное предсказание цыганки со звездной ярмарки, пытаясь снова и снова убедить себя в его полной бессмысленности. Со временем ему надоело ломать голову над неразрешимой загадкой. К тому же ничего мало-мальски похожего на обещанное с ним не происходило: ни интересных поворотов жизни, ни дальней дороги, ни любви таинственной принцессы. В конце концов он выкинул из головы загадочные слова гадалки. Новая работа не оставляла времени для пустопорожних размышлений.

И вот теперь, похоже, ее пророчество начинало сбываться! Бред какой-то... Как это вообще можно объяснить?!

Дочурка

Внешне Леся уже походила на ученицу старших классов школы, в которую она так ни разу и не сходила. Столь быстрое превращение не могло не смущать Гарнисов, но они слишком любили дарованное Провидением дитя, поэтому даже затянувшаяся немота девочки вызывала у них лишь вздохи сожаления украдкой. О том, чтобы свозить дочку в поселок к врачу, они не допускали и мысли. Это даже не обсуждалось.

Однажды, вскоре после того, как все трое воссоединились в их лесном приюте, Йон надумал привести в порядок запущенное без постоянного присмотра хозяйство. Хотя он и Тави скромно называли удаленную постройку «сторожкой», на самом деле строение представляло собой дом в два этажа с небольшой верандой, на неторопливое сооружение которого они затравили не один год. Гарнисы никогда не задумывались, что побудило к возведению второго дома, хотя и первый был довольно неплох. Может быть, сыграло роль отсутствие детей и стремление до отказа заполнить трудом казавшиеся пустыми дни. Может быть, причиной послужила неосознанная тяга к одиночеству вдвоем, нежелание видеть надоевших соседей.

Еще в юности Йону не раз пришлось силой отстаивать свое право на спокойную жизнь с симпатичной женой. Находилось немало охотников оспорить ее выбор, не считаясь ни с мнением самой Тавии, ни с ее молодым мужем. И хотя Йон для защиты очага не задумываясь пустил бы в ход оружие, к счастью, его кулаков оказалось достаточно, чтобы доказать раз и навсегда неправоту всех желающих помешать их счастью. Но то осталось в далеком прошлом, зато потом, как и хотели, они остались вдвоем.

Как бы то ни было, но теперь, с появлением Леси и новыми проблемами, удаленное от посторонних глаз жилище оказалось весьма кстати. Незваные гости, представлявшие то исследователями, то ксенологами, то научными сотрудниками «Экофлора», не осмеливались заходить дальше окраины Леса. Гарнисы надеялись переждать, пока внезапный интерес к подрастающей девочке утихнет сам собой. Но, похоже, второй дом надолго превратился в их единственное убежище. Хотя поблизости не протекало ни одного ручья, влагоуловители позволяли полностью обходиться без привозной воды, даже при отсутствии дождей. Насколько могли судить хозяева, за все время с начала постройки лесного приюта никто из посторонних не вторгался в их тихий уголок.

Во время посещений Йон всякий раз с горечью убеждался, что окружающие заросли сводят на нет прежние труды, сужают свободное пространство, все ближе подбираются к самому порогу «сторожки». Гибкие лианы давно пустили побеги по столбам и балясинам веранды, то ли намереваясь сломать и вырвать их из креплений, то ли прорасти сквозь хлипкие стены сборного домика. Вышедшие наружу почти у самого крыльца тонкие стебли незаметно превратились в ветвящиеся, уже толщиной с руку взрослого человека, стволы. Не возникало сомнений, что и огород, и весь расчищенный участок с домом посередине, на которые затрачено столько сил и времени, доживают последние дни. Полная капитуляция жилого островка в море зеленого хаоса становилась неизбежна.

Йон Гарнис извлек и расчехлил давно не применявшийся термотопор, вставил заряженную солнцем батарейку и приступил к рубке зарослей. Но едва он рассек первый стебель надвое, как вздрогнул от пронзительного крика:

– Нет! Нет! Так нельзя, они живые! Ну как ты не понимаешь, папа!

Внезапно Леся оказалась рядом, Йон не сразу понял, кто сейчас кричал, и растерянно опустил инструмент, прекратив разогрев лезвия. От неожиданности он даже не заметил, что новая батарейка успела моментально разрядиться. Не понимая еще смысла раздавшихся слов, Гарнис поразился тому, что впервые услышал голос дочки, ведь до сих пор от нее не исходило ни единого слога, а тут целый поток фраз! Да еще каких!

С крыльца за ними наблюдала не менее мужа потрясенная Тавия. Они переглянулись, затем Йон снова посмотрел на только что перебитый пополам неокрепший ствол. Безостановочно сочившаяся из прижженного разреза густая зеленая жидкость почему-то напомнила ему кровь. В воздухе повис удушливый запах горелого.

– Но, девочка моя, как же тогда...

– Ведь можно совсем иначе! – укорила Леся, не дав ему закончить вопрос. Это прозвучало четко и убедительно, словно их дочь с самого рождения отлично владела языком, а не сделала это впервые сейчас.

Она решительно приблизилась к разрубленному растению. Протянула над ним руки ладонями вниз, сделала несколько плавных пассивов, тихо-тихо зашептала что-то себе под нос. Йон не успевал следить за непонятными словами внезапно заговорившей дочери, только ясно различил среди потока тарбарщины знакомое: «сестренка». Стебель на глазах перестал истекать соком, запекшиеся от недавнего жара края разреза, мгновенно срастаясь, сошлись между собой. Леся подержала растение на ладонях, будто баюкая ребенка. Миг – и оказавшийся снова целым стебель словно с благодарностью кивнул Лесе. Она опустила руки и скромно отошла в сторону.

Не веря своим глазам, Гарнис потер их рукавом, убедил себя, что ему просто померещилось. Но стоило поднять голову и встретить изумленный взгляд жены, как он понял, что ошибается: их приемная дочь сама оказалась маленькой волшебницей из тех сказок, что они рассказывали ей перед сном.

Тем временем Леся двинулась вдоль границ остающегося свободным участка, разведя руки в стороны, и постепенно на ее пути повсюду воцарялся порядок. Дикие растения на глазах с покорностью отступали от ухоженных грядок и от «сторожки» Гарнисов. Йон с сомнением зачехлил вмиг ставший ненужным термотопор и, запинаясь, спросил:

– Но ведь нам надо еще...

И опять она поняла раньше, чем он успел до конца озвучить мысль:

– Они сделают для нас все, что мы захотим.

– Они? – подала голос взволнованная Тавия. – Кто «они», Лесенька?

– Конечно, мои сестренки, – доверительно сообщила та, и Гарнис испытал облегчение, что ему не померещилось это слово в заклинаниях дочери, хотя полностью успокоиться после всего виденного пока не мог.

Все же он выдал из себя озадаченно:

– И где же ты их найдешь, а?

– Они здесь повсюду, они всегда со мной рядом... – Казалось, после такого исчерпывающего пояснения у приемных родителей не должно остаться вопросов, тем более, как завершила их воспитанница, они смогут отныне получать все необходимое для хозяйства.

И действительно, стоило им теперь только пожелать чего-либо и сообщить к вечеру о том Лесе, – к утру на ступеньках веранды появлялось заказанное. Невозможно было определить, как и из чего сделаны эти радующие глаз добротностью незатейливые вещи.

Их происхождение недолго оставалось тайной для Гарнисов. Леся показала, как после ее манипуляций на стеблях, обвивавших веранду, постепенно образуются утолщения, быстро становящиеся огромными почками. К утру они лопались, раскрывались, а внутри обнаруживались нужные вещи – небольшие предметы мебели и кухонной утвари, посуда, отрезки раскрашенной материи – полная сказка, нечто вроде скатерти самобранки или рога изобилия. А завезенные с других планет огородные культуры могли беспрепятственно расти и поставлять к столу хозяев плоды в достаточных количествах. Местные, неистребимые до того сорняки оставили участок в покое. Отпала необходимость ежемесячных хождений в поселковую лавку за продуктами, инструментами, одеждой и прочим. Более того, сразу резко возросшие урожаи позволяли теперь откладывать запасы впрок.

– А тебя не пугает все это? – спросил однажды Йон жену, когда Леси не оказалось поблизости.

– То, что происходит? Немножко, скорее, не страшно, а странно, но, думаю, так и надо, Йоне. Лесенька – хорошая девочка, ты же знаешь! Какая нам разница, откуда она явилась? Если захочет – сама все объяснит. Пусть оно идет своим чередом, как шло. Согласись, мы такого никогда и представить себе не могли. Ведь верно?

Гарнис кивнул, чувствуя, как на душе становится спокойнее после слов Тави, но полностью избавиться от сомнений не мог. Хотя прежний их дом стоял на отшибе, и сами они жили достаточно уединенно, скорое взросление Леси не могло остаться незамеченным для соседей. В самом начале, когда скрыть появление ребенка не удалось, чтобы избежать кривотолков, старая чета удачно придумала про далеких несуществующих родственников, отдавших им на воспитание свою дочь. «По семейным причинам...» – многозначительно добавляли они тоном, призванным объяснить все и, как им казалось, исключавшим дальнейшие расспросы. Любопытным предоставлялось право домысливать самостоятельно.

Не имея других источников дохода, большинство поселенцев начинало испытывать недовольство все новыми квотами на лесозаготовки. По мере того, как таяло благосостояние колонистов, от былого радушия и доброжелательности не осталось и следа. Продолжали множиться байки, нередко основанные на реальных встречах с порождениями Леса. Некогда явившееся в бар существо из листьев и сучьев давно прозвали «мандрагорой», а вылезшие из могил чудища, испепеленные Филом Крайновым, поминались не иначе, как «зомби».

Едва ксенологи выказали нескромное любопытство к их девочке, Гарнисы перебрались в лесной дом, не помышляя о скором возвращении. Причины к нему вовсе отпали, когда Лес начал обеспечивать их всем необходимым. Хотя подобная дармовщина не могла не смущать Йона и Тавию, привыкших самим обеспечивать себя в поте лица, ради покоя любимой доченьки они не без колебаний поступились прежними принципами.

И все же как-то раз, после очередного благодеяния, Гарнис не выдержал и решился откровенно поговорить с дочерью.

– А скажи-ка, Лесенька, эти способности... твоих сестреноч, они связаны с Лесом?

– Да, конечно, если его хорошенько попросить, он никогда не откажет...

– Знаешь, я очень хочу... попросить его... Ты же сможешь передать ему, чтобы ни один из людей никогда не узнал о такой возможности...

– Но почему, папа? Впрочем, я никому не собираюсь рассказывать, да ты и сам знаешь, у меня нет знакомых...

– Но рано или поздно появятся, поэтому я настаиваю... Понимаешь, людям нужен стимул для труда, а если они узнают, что могут выпросить что угодно, они вовсе не захотят работать... Да и нам с матерью как-то неудобно жить задарма...

– Задарма? Это как?

– Ну, за просто так, на всем готовом. Мы так не привыкли... Несправедливо... Понимаешь? Да и поговорка есть: «Бесплатный сыр только в мышеловке». Не придется ли нам за это расплачиваться?

– Не придется. Хорошо, я хотела сделать лучше...

За несколько проведенных у Гарнисов лет найденная крошка с непостижимой быстротой превратилась во вполне взрослую, приятную во всех отношениях девушку. Не красавица, но и без внешних изъянов. Любой повидавший ее хоть раз при первом же знакомстве чувствовал исходящее от нее очарование. Она не испытывала трудностей при случайном общении с посторонними людьми. И все же старики зорко следили, чтобы Лесья держалась подальше от поселка, и продолжали старательно скрывать свое чадо от чужих глаз.

Тому имелось немало причин. Прежние соседи сообщали, что ксенологи из центрального поселка не отступились и продолжают искать Гарнисов. Точнее, их воспитанницу, собирая

небылицы от словоохотливых, если дело не касалось лично их, поселян. Сами местные по мере ухудшения дел склонны были искать причину своих неприятностей поближе, и, ясное дело, непонятно откуда взявшаяся и пугающе быстро выросшая девчушка очень кстати подходила для этой роли.

С тех пор как девочка открыла родителям возможности Леса, необходимость хождений в поселок исчезла. Если прежде Тави покупала материал на платья или готовые вещи в лавке, то теперь они могли получить на месте все, что заблагорассудится, хотя Гарнисы решили строго обходиться только самым необходимым.

Они продали первый участок с домом покупателю со стороны, обещавшему сохранить сделку в тайне до полного завершения. Теперь их ничто не связывало с поселком, так обоим казалось гораздо спокойнее. Йону и Тави вполне хватало общения друг с другом и с ненаглядной дочкой. Они опасались, правда, что отсутствие подружек и товарищей отразится на развитии ребенка, но, похоже, для самой девочки подобной проблемы совершенно не существовало.

Прибытие

То время полета до Форестаны, когда Черок бодрствовал вне анабиоза, он всецело отдал изучению информации о планете. Он сознавал, что это не подготовка к очередному экзамену в академии, давно оставшейся в прошлом. Все представлялось теперь намного серьезнее: от того, насколько правильно он сумеет разобраться в ситуации, могла зависеть жизнь множества пока еще незнакомых людей.

Свыше земного полувека минуло с первой исследовательской экспедиции на эту планету. Разумеется, заселение одной Форестаны не могло разрешить демографических проблем Земли и старых миров со многими миллиардами людей. Перед здешними первопроходцами ставились совсем другие задачи. За три десятилетия после высадки пионеров численность колонии едва достигла сорока тысяч, причем последние годы приток новых граждан остановили без объяснения причин.

К моменту прибытия на Форестану у Квикфута сложился вполне определенный план действий, инструкции, данные в дорогу, выглядели вполне недвусмысленно. Годы службы в Департаменте приучили к такому выверенному подходу. Но никто не мог в действительности определить наперед каждое его действие, предвидеть заранее все обстоятельства и перемены в конкретных ситуациях. С деталями он разберется потом на месте.

Ему очень хотелось избежать помпезной встречи, впрочем, его наверняка уже ждали. С десяток попутчиков после выхода из капсулы орбитального лифта уверенно опередили Черока на спуске. Он с любопытством осмотрелся по сторонам.

Изящный завиток подъездного пандуса начинался от выхода из приемной камеры в основании несущей опоры. Внизу, в самом конце пути его уже встречали двое мужчин, не удостоивших вниманием прочих пассажиров. Квикфут представил на миг, что случится при обрыве одного из уходящих ввысь прочнейших многокилометровых тросов. Гигантский бич со страшной силой обрушится на незащитную поверхность планеты, на все, подвернувшееся под слепой удар. Впрочем, вряд ли такое возможно. Технология подъемников отработана, опробована и усовершенствована на десятках, даже сотнях планет. Для подстраховки основного антигравного привода на равных промежутках до орбитального приемника устанавливались регионарные антигравы. И, насколько известно, еще ни разу не потребовалось их экстренного включения.

И все же, как бы сильно ни хотелось, он не стал задираТЬ голову и смотреть на исчезающие в вышине мономолекулярные струны. За ним внимательно следили снизу две пары глаз, и не хватало, чтобы будущие сослуживцы приняли его за любознательного простака. Черок успел изучить данные всех сотрудников филиала, потому опознать знакомые по голограммам лица не составило труда.

– Здравствуйте, Квикфут, я – временно исполняющий обязанности главы здешнего отделения Эндо Раст, а это мой помощник и коллега Алекс Таргин, – представил себя и спутника подтянутый мужчина с дежурной улыбкой. – Вы будете жить в служебном комплексе, помещение уже подготовлено. О багаже не беспокойтесь, все доставят на место. Но, может быть, желаете сначала познакомиться с центральным поселком?

– Давайте сразу начнем с дел, коллеги, а вещей у меня с собой немного, – Черок торопливо пожал по очереди протянутые руки, по странному обычаю древних землян, и они направились к ожидавшему флаеру.

– Вы правы, Квикфут, не стоит терять времени, если не хотите задержаться на Форестане. Когда вы рассчитываете закончить инспекцию?

Черок с удивлением взглянул на спросившего. Неужели его не предупредили о назначении Квикфута, и тот считает его лишь залетным контролером? Второй встречавший выглядел хмуро и не проронил ни слова с момента знакомства.

Путь до поселка после затяжного спуска с орбиты не показался долгим. Примерно с его середины под ними потянулись фермерские участки до самого горизонта. Их разграниченные лоскуты изредка прерывались хилыми лесополосами завезенных извне деревьев. Нигде никакого намека на близость лесного массива, но его присутствие незримо ощущалось даже здесь. Еще при подлете к планете, не имевшей густой облачности, Черок впервые рассмотрел значительное зеленое пятно на единственном материке. Даже венчавшие полюса синие пятна океана с крохотными шапками льда не привлекали такого внимания. Величие форестанского Леса впечатляло уже при взгляде из космоса.

Прямоугольники возделанных полей продолжались до самых строений поселка. Вглядываясь с высоты птичьего полета в широкие улицы, образованные одно-и двухэтажными домами, он заметил полное отсутствие пешеходов, ни одного праздношатающегося. Лишь в полях то тут, то там виднелись человеческие фигурки возле уборочных комбайнов. Черок знал, что большая часть урожая использовалась не напрямую, а для заправки биомассой картриджей пищевых принтеров.

Эндо Раст показал пальцем несколько административных зданий со спутниковыми антеннами, скопление бесконечных грузовых складов на окраинах. Сплошная архаика, после машины орбитального лифта ни единого намека на современные технические достижения. Ничего примечательного, скучное малонаселенное захолустье, в котором ему предстояло застрять на неизвестное время. Но где-то неподалеку располагался невидимый отсюда Лес, великий и непонятный, из-за которого он и оказался тут – об этом Черок не забывал ни на минуту.

Комплекс Службы находился с противоположной стороны поселка. Пара двухэтажных пирамид, три вытянутые одноэтажные коробки без окон, прикрытые панелями солнечных поглотителей, да несколько флаеров на посадочной площадке меж ними выглядели неброско, но внушительно. Застройщики неплохо справились с требованиями Ксенослужбы. Ничто снаружи не указывало на возможность кипучей деятельности в недрах корпусов. Сонное с виду царство ничем не отличалось от повсеместного безлюдья улиц. Черок искренне понадеялся, что подобное впечатление обманчиво и внутри ведомства скрыто гораздо больше кипучей жизни, которая должна быть, по его разумению, в это время суток.

Между домом и лесом

Если Роман и слышал после возвращения с учебы историю о найденныше Гарнисов, за несколько лет превратившемся во взрослую девушку то придал ей не больше значения, чем всем прочим подобным байкам. Его больше обеспокоили перемены в настроениях земляков. Ведь стоит только отчаявшимся фермерам наплевать на запреты ксенологов, Федерация не замедлит вмешаться в дела колонии. Тем не менее местные продолжали тайком вооружаться и не прекращали попыток на свой страх и риск добывать древесину которую моментально забирала скупщики «Экофлора». Не только сверстники младшего брата Фила, но и гораздо более мелкая ребятня выказывала непонятную злобу ко всему, имевшему хоть малейшее отношение к метрополии, отражая взгляды родителей. Астронет кипел от рассчитанных на всеобщее недовольство призывов сепаратистов.

– Представляешь, Нюта, – делился с женой кипящий возмущением Крайнов. – Эти землячки из Ксенослужбы удумали строить разделительную зону между нами и лесом. Понавезли, понимаешь, всякой аппаратуры, всякие штучки-дрючки, железки, пробирки. Ну, и занимались бы себе втихую, никому не мешали, как делают парни из «Экофлора». Так нет же, одни запреты и угрозы, туда не ходи, это не трогай! Хорошо хоть, в своей земле пока не заказано ковыряться, а то бы с голода передохли. Что нам остается? Торговля давно в полной заднице! Чем нам хвалиться, кроме древесины, которую у нас отобрали? Ничего здесь больше нет, и вряд ли когда найдется. Они обещают каждому льготный заем под будущие разработки, если смиримся и потерпим. Только чем потом будем расплачиваться? На детей наших долги повесим, жить им не дадим? Ну и станем все в конце концов рабами, помяни мое слово...

Он обращался к жене, молчаливой, всегда согласной с мужем во второстепенных вопросах, совсем не старой еще женщине. На лице Анюты сохранялись следы былой привлекательности, не стертые постоянными заботами и бесконечной работой по хозяйству. Кроме трех наследников Крайнова, она растила детей от двух прочих мужей. Неделя в одном доме, неделя в другом – она привычно справлялась с подобными нагрузками, мужа и дети старались помогать единственной общей матери по мере сил. Такое положение давно не удивляло местное общество, смирившееся с вынужденным нередким многомужеством. Между Крайновым и остальными супругами, так же как между всеми единоутробными сыновьями и дочерьми Нюты, сохранялись приятельские отношения, не доходившие, впрочем, до тесно дружеских. И то хорошо! Открытые проявления ревности встречались лишь у самых маленьких детей, не понимавших пока такой порядок. Все остальные давно приняли существующее положение и не пытались его изменить.

Второй день, как она вернулась после очередного полумесячного пребывания в других семьях. Дел по дому накопилось невпроворот, хотя и сам Крайнов, и трое наследников прилагали все усилия, чтобы создать для приходящей матери лучшую обстановку, чем в прочих ее семьях. Вот и сейчас она едва перевела дух, присев с чашкой чая за только что приготовленный завтрак, и никак пока не реагировала на слова распалившегося мужа, думая о чем-то своем.

Кроме отца с матерью и Романа, за столом сидели младший брат и недавно вышедшая замуж за ровесника Ромы, как и было predetermined родителями, Надя, заглянувшая в отчий дом этим утром. Ей едва исполнилось четырнадцать по местному летоисчислению, близкому к стандартному земному, но среди колонистов нередко заключались и более ранние браки. Сегодня выдался редкий за последнее время день, когда семья Крайновых собралась в полном составе. Но вместо того, чтобы радоваться нечастому единению самых близких ему людей, отец, к нескрываемому неудовольствию старшего сына, раздраженно и нудно ворчал о хорошо всем известном, происходившем независимо от их мнений и желания.

– Ну, а что, по-твоему, можно сделать? В чем выход? Ведь, действительно, надо обращаться с Лесом как-то поаккуратнее... – не сдержался и вставил Роман, хотя отец ожидал согласия от молчавшей до сих пор матери. К ней одной сейчас адресовался, именно такой способ и избрал для общения с разделяемой с другими семьями женой, очередное временное возвращение которой представляло праздник для всех присутствующих и для него самого в первую очередь.

– До сих пор обращались же, как ты говоришь, куда уж... аккуратнее! – пуце прежнего разгорячился отец, недовольный его вмешательством. – Если бы по-другому, без оглядки на законников – давно бы все зажили как люди. А так что вышло? Дальше некуда валандаться... Нам перекрывают последний кислород, вынуждают прогибаться перед этим Лесом. А он губит сорняками урожай на полях, не дает расширить зону вырубки, ломает наши машины, никакой жизни не стало. Вот бы шарахнуть огнеметами, как прежде, разделить просеками по секторам и продолжать спокойно разработку. Небось, от него не убудет! Только поодиночке нам его ни в жисть не осилить. Нужно собрать сообщество всех работяг, а если власти и тогда не услышат нас, послать эти власти в черную дыру и самим взять управление! «Экофлор» прикидывается нашим благодетелем, а на деле выжидает неизвестно чего. Впрочем, в полете они при любом раскладе не останутся. Мы даже близко не ведаем, за сколько они загоняют наш лес и какой навар кладут в карман. Цены определяются не нами. Если бы удалось разобраться с Лесом да самим торговать без посредников, все бы в момент изменилось. Совсем другая жизнь бы пошла... Нет, надо срочно избавляться от паразитов-кровососов! Мы даже толком не знаем, кто стоит за этим и кто на самом деле нами управляет!

– Да ты никак стал заправским экстремистом! – удивленно протянул Роман, не зная, как отнестись к заявлению отца.

– Конечно, папа прав, надо поставить на место этот обнаглевший Лес, а вместе с ним отправить восвояси пришлых земляшек, всяких ксенологов-эко-фло-рогов! – поддержал отца Фил-младший, с усилием выговорив два трудных для него слова. Для пуцей весомости сказанного он даже стукнул кулаком по скатерти. Замечания и насмешливый тон старшего брата ему явно не понравились. Впрочем, младший всегда был отцовским подпевалой и ябедой.

– А вы думаете, Лес позволит убивать себя? Разве вам мало того, что уже произошло и происходит? Неужели непонятно, что нужно выработать какую-то продуманную программу, просчитать наперед использование его ресурсов и не больше того. Только сначала надо найти условия, которые устроят обе стороны...

– Так вот чего ты набрался в поселке... Ты стал говорить как земляшки, Ромка, учеба не пошла тебе на пользу, точно не пошла... Слова, пустые слова, – огорченно заметил Крайнов-старший, отставляя тарелку с любимыми пирожками, испеченными женой. – Чего ты придумал? Лес представляет собой лишь бездушные деревья, и ничего больше. А для нас это вопрос жизни, мы должны получить то, что нам понаобещали при переселении. И никто нам не помешает! А ты... Жениться тебе надо – вот что! – неожиданно и вовсе нелогично, на взгляд Романа, подытожил отец.

Хозяйка дома взглянула на мужа, но не стала сейчас перечить, хотя явно имела свои виды на судьбу старшего сына.

– Но разве не ясно, что Лес находился на этой планете задолго до нас? Мы здесь гости, а не хозяева, и, как выяснилось, у него есть сознание, может быть, даже разум...

– Все это пропаганда, хитрые выдумки федералов, чтоб нас задурить, – с умным видом заметил младший брат. – В любом случае нам некуда деваться, мы чужды земляшкам, как ты можешь повторять их дребедень? Речь идет о нашем выживании. Неужели не понимаешь, брат? Ты же сам не можешь работать по своему диплому! Каждый день простоя лесопилок ведет к нищете. А это слабость в будущем, полная незащитность и зависимость от милости земляшек. Отец все правильно сказал, нас толкают в рабство.

– Можно подумать, мы сейчас очень сильны! – фыркнул Роман, удивляясь, где это меньшей нахватался подобных слов и воззрений. Одним влиянием отца такое не объяснишь, да и гораздо дальше родителя продвинулся Филька в своем болтливом бунтарстве.

– По крайней мере, осталось одно – сообща подчинить себе Лес, чтобы оставаться хозяевами планеты. Пока еще не поздно... – нахмутив брови, высказал заветную мысль отец.

Роман с сомнением покачал головой:

– Не представляю, как это удастся при таком-то подходе...

– Неужели ты не с нами, Ромка? – прищурившись, спросил Крайнов-старший.

– А с кем же я тогда сейчас, по-твоему? – Роман с вызовом взглянул в его выцветшие под здешним небом глаза.

– Ну, не знаю, не знаю, не забывай, что ты вырос тут...

– Уж этого я точно не забуду никогда, – с горечью буркнул Роман.

– Ну и ладно, – примирительно согласился отец. – Только еще одно – поменьше бы ты шастал по лесу, сынок, а? Сам же видишь, обстановка почти боевая... Чего только не происходит, просто так не станут выдумывать... Мало ли что... По крайней мере, хотя бы старый лучемер с собой прихватывай для спокойствия.

– Ты преувеличиваешь опасность, папа, но я подумую... Не беспокойся напрасно. И потом, ты прекрасно знаешь, стоит пустить его в ход, потом не остановишься.

Отец никогда не одобрял пустой траты времени Ромки на бессмысленные шатания, ни в детстве, ни сейчас, после возвращения с учебы, когда старшему сыну пора бы уже взяться за ум. Да и учение это, похоже, оказалось, с точки зрения Фила-старшего, вовсе ни к чему: работы по специальности в ближайшем будущем не предвиделось. Хорошо еще – обучение почти полностью оплатил «Экофлор». Правда, Роман старался помогать по хозяйству, ни в чем не отлынивал, все у него спорилось в руках и получалось ловко, в детстве такого за ним не водилось. Так что обвинить его в тунеядстве и невнимании к нуждам семьи он не мог, тем более присланный портативный биокомп подтверждал слова сына о работе на компанию с твердым заработком. Но пока никаких денег не поступало, и родитель постоянно давал понять, что хотел бы видеть со стороны старшего отпрыска больше рвения в домашних делах.

Завтрак завершили в молчании. Мать и Надя начали убирать посуду, отец с горечью поглядывал на сыновей, невесело думая, как быстро они выросли, стали слишком независимыми от него, в особенности старший. Может, сказывалась нехватка внимания матери, живущей не на одну семью? Впрочем, жизнь на два-три дома стала в порядке вещей для многих жен колонистов. Зря все-таки он отправил Ромку на учебу, пустое дело оказалось, теперь даже неизвестно, пригодятся ли когда полученные навыки? На «Экофлор» мало надежды. Впрочем, валка деревьев не требует особой грамотности, главное, чтобы голова имелась, да крепкие руки в придачу...

Даже Филька как-то незаметно вымахал, совсем взрослым стал, самостоятельным и своенравным. Все труднее находить с ними общий язык, одного окрика или подзатыльника уже недостаточно для убеждения. А посоветоваться не с кем, их поколение начало с нуля, всю жизнь заново, без дедушек и бабушек, всегда готовых подсказать, если что не так. Какое там правильное воспитание, главное – голодными не быть! К тому же такие заморочки почти во всех семьях... И ничего с этим нельзя поделать, ровным счетом ничего!

Следующим утром Роман снова улизнул в лес. Как никогда ему хотелось побыть одному, без нравоучений и умствований. Об отцовском лучемере даже не вспомнилось. Дома сегодня обойдутся без него, Крайнов-старший не станет ворчать – за последние дни они столько перепахали по хозяйству. Да и мама еще несколько дней пробудет под их крышей.

После присланных «Экофлором» инструкций, оказавшихся вовсе не сложными, он успел отправить два отчета с описанием своей повседневной жизни, подробности которой, по его мнению, не представляли никакого интереса, тем более угрозы для компании. Поэтому он

втайне надеялся, что, убедившись в его полной бесполезности, от него отстанут. И в Лес он отправился вовсе не для вынюхивания сведений для экофлорцев, а для собственного удовольствия, отдохнуть от перепалок с отцом и братом, от монотонности несколько не привлекавшей бесконечной возни по хозяйству. Свидания с Лесом давно переросли для него из детской привычки в обязательное условие жизни.

Сегодня Роман отправился к недавно обнаруженному удивительному месту Глубоко в зарослях пряталась просторная поляна, поросшая высокой молодой травой. Ее по-хозяйски обступали возносившиеся далеко вверх замшелые стволы, на которых и держался высокий свод из переплетенных крон. Внизу, по краю травяного ковра, то здесь, то там неравномерно располагались островки кустов. Через обширную прогалину в кронах открывалось высокое небо планеты. Такой бездонной нежно-синеватой глубины, как утверждали старики, не найти на других планетах. Путь к заветной лужайке оказался достаточно долгим, захотелось подкрепиться.

Едва он присел на мягкий травяной ковер и разложил перед собой предусмотрительно прихваченный пакет с бутербродами и бутылкой самодельного вина из местных ягод, как заметил краем глаза быстрое, почти неуловимое движение в раскидистых ветвях.

Делая вид, будто ничего не замечает, Роман неторопливо разделался с припасами и принялся за бутылку. Спускаясь с ветки на ветку, к нему осторожно приблизился небольшой мохнатый зверек, местная разновидность белок. Еще немного, и тускло поблескивающий на солнце пушистый коричневый мех на гибком вытянутом теле и торчащем трубой хвосте замелькал рядом среди травы. Роман застыл с остатками угощения на раскрытой ладони и даже перестал дышать. С опаской припадая на все четыре лапки, верткий зверек боязливо заюлил по расстеленному пакету, ближе, ближе, вот уже торопливо слизал маленьким юрким язычком крошки с руки и при малейшем намеке на шевеление человека в один миг взвился на вершину ближнего дерева.

Роман довольно рассмеялся. О какой изначальной враждебности маленького жителя здешнего мира могла идти речь? Они оба являлись живыми частицами окружавшего, соединенными незримыми нитями жизни. Появление добродушного любопытного существа – добрый знак, внезапно понял он. Сегодня удачный день, обязательно случится что-то хорошее. Может быть, его ждут новые знакомства с неизвестными пока обитателями чащи? Или предстоит узнать какие-то тайны Леса? Роман углублялся дальше и дальше, надеясь найти подтверждение своим предчувствиям, пока не добрался до совершенно непроходимых дебрей, обойти которые, как он ни пытался, не удавалось. Он пробовал немного изменить направление, но Лес не пускал в эту сторону. В конце концов Роман понял, что пора возвращаться домой, если хочет поспеть к ужину.

Странную незнакомку он встретил гораздо позже и не в этот раз.

Новые коллеги

С первых же минут Квикфут распорядился не поднимать лишний шум из-за своего приезда, отложил протокольное представление поселковому руководству и встречу с ведущим головидения. Но войти в курс дел пожелал незамедлительно и тут уже не дал временно исполнявшему его обязанности ни минуты отсрочки. Отпущенный на четыре стороны Алекс Таргин с явным облегчением затерялся где-то на первом этаже.

Раст проводил его наверх в кабинет Фердоса Кууса, который занимал теперь сам, и уже там Квикфут попросил обрисовать ситуацию.

Одну стену просторного помещения занимала голографическая двухмерная карта Форестаны, а поверху – раскрытая человеческая ладонь среди звезд с неизменными пурпурными буквами девиза над нею:

НАЙТИ. ПОНЯТЬ. ОТВЕТИТЬ.

Чероку давно казалось, что эти глаголы еще с академии выбиты или отпечатаны раскаленным штампом у него в мозгу, и ни за что в жизни ему не избавиться от всеопределяющего слогана ксенологов.

Скромные белые участки льда на полюсах ограничивались голубым пространством океана. На их фоне все внимание привлекал единственный материк, широко опоясавший экватор. На суше четко выделялось растянутое пятно яркой зелени. Все это он уже видел с орбиты в меньшем масштабе.

Черок увеличил панораму материка. Стали явственно видны обозначения двух десятков поселков, сосредоточенных в основном в пограничной с Лесом полосе. Там проживало большинство сорокатысячного населения планеты. Впрочем, все это уже было ему хорошо известно, как и взаимоисключающие предположения о судьбе предшественника.

– А что вы лично думаете о случившемся с Фердосом Куусом? У вас имеется какое-то свое отличное мнение? Кто занимался этим расследованием и продолжается ли оно в настоящее время? Что вообще удалось выяснить на сегодняшний день?

Эндо Раст недоуменно пожал плечами, все имевшиеся сведения он передал в последних отчетах. Проверяющий из центра, по его справедливому рассуждению, наверняка с ними ознакомлен, иначе он просто не имел бы достаточных полномочий. На взгляд временного руководителя планетарной Службы, дотошный ревизор выбрал неверную точку отсчета и не вправе требовать от него таких деталей.

Ошибочно продолжая чувствовать себя полным хозяином положения, он снисходительно повторил прежнюю версию: Куус исчез безо всяких следов. Тело не обнаружено. Врагов за последнее время бывший руководитель приобрел с избытком: пытался контролировать исследования «Экофлора» и заставить компанию поделиться секретной информацией. Введенный им жесткий запрет на разработку Леса вызвал у колонистов недовольство, но никак не понимание. Это сказалось на благополучии фермеров, потихоньку продолжавших тайные лесозаготовки. Транспортники злились из-за простоя космических лифтов, падение грузоперевозок экспортного сырья било и по их карману.

Но вряд ли кто мог желать смерти руководителя Службы, такого не случилось за всю историю колонизации. Да и ксенологов считали в народе неприкасаемыми, людьми не от мира сего со всеми простительными странностями непонятной посторонним профессии, а не врагами или агентами федеральной власти. Не исключались и личные мотивы. Возможно, предшественник просто не выдержал нагрузок, сломался под грузом ответственности и, не видя иного выхода, разом устранился от дел. Но в таком случае у него имелись пособники среди

местных: кто-то помог ему скрыться и тщательно замести следы. Словом, загадок хватало, и Раств, видимо, не собирался содействовать их разрешению.

Квикфут заподозрил, что того вполне устраивает такая неопределенность, давшая порулить планетарным филиалом, и, несомненно, роль ему слишком понравилась.

Черока начала раздражать неохотность, с которой временный исполняющий обязанности выдавал ему крохи информации, да и те приходилось тянуть из него клещами. Сам он, напротив, изначально настроился на доброжелательность, нуждаясь в помощи и союзниках, в первую очередь, среди коллег-ксенологов. Вызвать Раств на откровенный разговор не удавалось, как он ни старался, и Черок чувствовал все большее недовольство. Временный руководитель службы явно смотрел на него свысока, не выказывая особого почтения то ли из-за разницы в возрасте, то ли ошибочно принимая посланца Департамента за гостя ниже себя рангом.

– А как там старик? – откинувшись в кресле, как бы между прочим небрежно поинтересовался Эндо Раств. – Надеюсь, он остался доволен моими последними отчетами и кытовым гостинцем?

Черок не сразу осознал, что собеседник столь фамильярно помянул их общего начальника, руководителя ксенослужбы Сектора, о котором он сам и подумать не мог без должного уважения. Когда же до него дошло, он впервые после прилета ощутил раздражение. Давно пора поставить на место выскочку, совершенно не понимавшего, что настало время сдать дела и должность.

Последний бестактный вопрос окончательно убедил Черока, что из каких-то соображений Департамент Сектора не известил здешний персонал о статусе посланца. Только теперь, испытав нескрываемое удовольствие при виде вытянувшегося лица халифа на час, Квикфут предъявил свои полномочия. Новость произвела ошеломительное воздействие: только что красноречивый, уверенный в своем положении человек моментально замкнулся, сделался как бы меньше ростом, от снисходительного радушия не осталось и следа. Новоиспеченный управляющий пожелал немедленно представиться всему коллективу.

Знакомство не заняло много времени. Полтора десятка человек быстро и слаженно собрались в вестибюле. Вдвое больше сотрудников находилось на исследовательских станциях в непосредственной близости к Лесу, причем почти четверть их составляли специалисты, по совместительству отвечавшие за безопасность остальных. Встречу с отсутствующими Черок отложил, решив для начала ограничиться общением по голосвязи. Вот и все его доблестное научное воинство. Он до прибытия знал о численности наличных сил, но такой ничтожный состав ксенологов на планете с возможно Разумным Лесом сейчас выглядел явно недостаточным. Дальнейшее зависело уже от него самого, Чероку дали право дополнять сотрудников из числа местных энтузиастов, если такие найдутся.

Новый босс объявил о своем назначении и озвучил главные задачи на первое время. Коротко это выглядело так: Лес, Лес и снова Лес. Поскольку их мало, всем придется работать с полной отдачей сил, каждому за двоих, а то и за троих, пока он не изыщет подкрепления. Но разве не о таком мечтал всякий связавший свою судьбу с Ксенологической службой? Департамент ждал не только доказательств или опровержений разумности форестанской флоры, но и выводов, от которых зависело будущее колонии. Прежде чем двигаться дальше, необходимо четко представлять, что уже достигнуто, насколько достоверная информация в наличии.

Новый руководитель напомнил, что ждет подробных отчетов от каждого на следующее утро, поблагодарил всех и выразил надежду на понимание и содействие. Попытку отпраздновать его прилет и вступление в должность он тотчас пресек – всему свое время. К тому же таинственное исчезновение предшественника не располагало к торжеству и требовало скорейшей разгадки.

С чувством облегчения от исполненного ритуала Черок вернулся в кабинет, ставший его резиденцией. Он заранее настроился на несколько часов одиночества, нужных, чтобы во

всеоружии принять завтрашние рапорты. Но едва разместился в удобном кресле и развернул голографический дисплей, как дверь издала предупреждающий сигнал.

– Разрешите? – не дожидаясь ответа, в кабинет решительно прошел Алекс Таргин и без приглашения разместился в кресле напротив Квикфута.

До сих пор Черок не успел как следует познакомиться с неразговорчивым завом отдела исследований. Его молчание с первого рукопожатия при встрече Квикфут объяснил все той же, не им затеянной конспирацией своего появления. Он понимал, что слишком молодой возраст свежеепеченного главного ксенолога многим придется не по душе. Может, именно такое отношение и выказывал теперь еще один из считавших себя гораздо более пригодными для назначения? В ожидании продолжения, Квикфут внимательнее рассмотрел вошедшего. Ему внезапно подумалось, что такие вот блондины с типичной европеоидной внешностью и были когда-то главными палачами его индейских предков, однако именно этот бесцеремонный субъект почему-то не вызывал у него ни малейшей неприязни.

– Прежде всего, мне следует извиниться за недоразумение при нашем знакомстве – никто понятия не имел, что вы и есть наш новый руководитель... Все посчитали вас за очередного дотошного контролера из центра...

– Не стоит, Алекс, я догадался. И мне тоже непонятна причина, по которой вас не оповестили заранее. Поверьте, идея вовсе не моя...

– Могу предположить, что начальство решило заставить нас врасплох в интересах расследования, которое вам предстоит продолжить...

– Возможно, и так. До того, как определиться с Лесом, мне нужно понять, что здесь происходит? – нахмурился Черок, не отводя взгляда от сидящего перед собой.

– Вот для этого я и хочу предложить свои услуги, – миролюбиво сообщил Таргин без тени смущения. – Старина Раст слишком болезненно воспринял свою отставку, он рассчитывал получить безусловное утверждение его во временной должности. Просто из кожи лез, как говорится. Мне показалось, он настолько расстроился, что забыл ввести вас во все детали...

– Может быть, может быть, вы и правы, Алекс. Но откуда у него такие амбиции?.. – Квикфут вспомнил свои невеселые мысли, когда его обходили по службе, особенно младшие возрастом, не имевшие, с его точки зрения, ни опыта, ни заслуг. – Печально... Что ж, в конце концов, его можно понять. Только не хочется, чтобы обиды, если они действительно имеют место, и в которых я никоим образом не виноват, отразились на делах и помешали нашей будущей совместной работе.

– Вот потому, босс, я и прошу принять мою помощь. Не подумайте, будто руководствуюсь желанием выслужиться или задобрить вас. Повышение мне в любом случае не светит на этой планете, я и так заведу исследовательским отделом, и отставка по стажу не за горами. А сослуживцев привык оценивать по деловым качествам, как и вы, предполагаю. Поймите меня правильно, мне хочется сэкономить ваше время, впереди уйма неотложной работы. Надеюсь, с вашим назначением дела сдвинутся с мертвой точки. Я рад, что Департамент прислал именно вас, а то многие начали думать, будто в руководстве Сектора интересуются только кытом и пренебрегают нашими проблемами, а это расхолаживало. Поверьте, ситуация действительно уникальная...

Черок помолчал, обдумывая услышанное. Предложение Таргина выглядело искренним, его содействие очень бы пригодилось. Сдержанно улыбнувшись, он пригласил жестом руки:

– Хорошо, Алекс, я согласен, какой разговор! Давайте не будем терять время, садитесь поближе и объясните для начала некоторые закуски...

Уже в первые часы после прибытия реальность разрушила иллюзии Черока. Организационные вопросы и знакомство с главами поселковых советов, без поддержки которых ему не обойтись, он оставил на завтра. А пока занялся архивами за последние месяцы. Но чем глубже в них вникал, тем больше убеждался, что масса разрозненной и противоречивой информации

нисколько не дает связной картины происходящего. И тут Таргин показал себя незаменимым помощником, без него Чероку пришлось бы повозиться гораздо дольше, и, вероятно, какие-то важные факты прошли бы мимо его внимания.

Уже через несколько часов сомнений не оставалось: необходимо прежде всего самому побывать на переднем крае, поговорить с простыми фермерами, постоянно находящимися у границы Леса. Прежде всего требовалось понять, чем они живут, чем дышат, на что рассчитывают? Ситуация явно не походила ни на что, с чем прежде сталкивалось человечество. Не было здесь в наличии несчастных притесняемых аборигенов, защитить которых готовился заранее Черок. Людям противостояло нечто непонятное, но единое в своей сущности, гигантский организм макрофлоры, по многим признакам обладающий своеобразным негуманоидным разумом. Что еще могло бы оказаться для любого ксенолога более интересным?

Черок решил обстоятельно разобраться в ситуации и не торопиться с поспешными заявлениями для колонистов. Другого пути не существовало. К тому же ни о доверии, ни о взаимопонимании ксенологов и поселенцев говорить не приходилось. Поселковое руководство не имело авторитета у основной массы фермеров-одиночек. Хотя формально мэры избирались вполне демократично, их утверждение нередко зависело от местного руководства «Экофлора», отпускавшего значительные суммы на административные нужды. К тому же каждый из них предпочитал поступать на свой собственный страх и риск, считаясь только с мнением «Экофлора» и лишь в крайних случаях объединяясь с ближайшими соседями. Пойди разбери, кто из них сам по себе, а кто ставленник вездесущей компании? Похоже, ни у кого не имелось ни общей тактики, ни плана действий, ни какой-то даже приблизительной стратегии в отношении Леса...

Начав просматривать архивы, Черок убедился в необходимости единого для планеты информационного банка данных о местной мегафлоре. Планетарная инфосеть для подобного не подходила именно своей общедоступностью. Не следовало оповещать всех и вся о каждом новом непроверенном факте. Мало ли, кто и какие выводы мог сделать и что предпринять, необдуманно поставив под угрозу само существование десятков тысяч колонистов! Поэтому он решил действовать в строгой секретности и, пользуясь полномочиями, распоряжаться этими данными по своему усмотрению. А уж после обработки и анализа часть этой информации могла бы выкладываться во всеобщий доступ.

С немалым удивлением он открыл, что руководство «Экофлора» уже много лет имеет собственную подобную базу данными из которой не спешит делиться с ксенологами. Впрочем, вспомнил Черок, «Отец» Департамента говорил о подобном, как и о том, что возможности компании многократно превосходят имевшиеся у Службы. И как становилось все более очевидно, его предшественник безуспешно пытался получить доступ к тем данным. Не в этом ли кроется причина его исчезновения? Представители «Экофлора» не без основания считали себя никому не подотчетными и на протяжении многих лет своей практикой подтверждали наличие покровителей в верхах Федерации. Иначе не объяснить, как они получили монополию на исследование планеты, вербовку колонистов и полный контроль над поставками кыта.

Конечно, скрытность компании могла объясняться разными соображениями. Главным оставалось строгое требование федералов не будоражить понапрасну общественность, избегать появления у колонистов опасных настроений. У нового руководителя Ксенослужбы, Впрочем, как и у прежнего, оказались связаны руки. Единственным козырем у него в рукаве оставался особый режим. Но для применения столь крайней меры требовалось неопровержимое обоснование. Черок считался довольно неплохим специалистом, иначе бы ему никогда не увидеть новой должности. Годы учебы в академии и работы в Департаменте не прошли даром. Именно надежда когда-нибудь найти на задворках Вселенной притесняемый земными колонизаторами самобытный инопланетный народ помогала ему долгие годы буквально грызть гранит науки и добиться заметных успехов в обучении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.